

Анна Львиная

ДО РЕМИ: СПЯЩАЯ
ИСКРА

18+

Анна Ливнина

До Реми: Спящая Искра

«Автор»

2026

Ливнина А.

До Реми: Спящая Искра / А. Ливнина — «Автор», 2026

Чтобы блистать на сцене Королевского Балета, недостаточно таланта. Нужна Искра — магическая сила, при помощи которой творческая персона погружает зрителя в иллюзорный мир произведения искусства. У ученицы провинциальной балетной школы Полин Шеро Искра слабая. Как еле тлеющий уголек. Но волей судьбы девушка оказывается в одном из самых престижных театров Мирража, где ее ждут изнуряющие репетиции, закулисные интриги и ненависть попечительского сынка, заносчивого маркиза Реми де Бомона. А может, и не ненависть? Обложка создана автором при помощи искусственного интеллекта.

© Ливнина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	35
Глава 12	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Анна Ливнина

До Реми: Спящая Искра

Глава 1

— Приехали! — раздался восторженный девичий голосок, и все обитательницы комнаты номер 6 пансиона при балетной школе ринулись к окнам. Еще бы — не каждый день их радуют своим визитом особы герцогской крови. А точнее, за всю историю существования заведения ни один столь же благородный гость не ступал на его порог.

Полин, которая на своем стремительном пути к одному из подоконников умудрилась удариться коленом о соседскую койку и даже не заметила вспышки боли, теперь тщетно пыталась хоть как-то протиснуться к стеклу — однокашницы прилипли к нему намертво. Они вглядывались в ночь, приставив к стеклу ладони по обе стороны лица или же надо лбом, на манер козырька, — чтобы хоть что-нибудь разглядеть при свете полной луны, — и взбудораженно перешептывались:

— Ничего себе у него плечи!

— А походка-то, походка! Прямо хозяйская такая!

— Ой, а кто это с ним?

— Шут его знает! Может, еще какой-то герцог за компанию приехал?

— Кажется, этот второй молоденький совсем!

— Ох, я бы с ним не отказалась, так сказать, прогуляться по амбарам...

— Сейчас я вам всем прогуляюсь по амбарам! А ну марш в постели! Быстро! — вдруг прозвучал голос пожилой Лианы, ожидаемо прибежавшей утихомиривать расшебетавшихся среди ночи девиц. Те не шибко-то слушались добродушную воспитательницу, которую за спиной ласково называли Пухлианой. Они с удовольствием проигнорировали бы требование женщины, но в окнах отразилось пламя ее масляной лампы. Это окончательно превратило окна в черные зеркала, в которых девицы видели лишь собственные возбужденные лица. И девушки нехотя разбрелись по койкам.

— И чтоб ни звука мне! — приказала воспитательница, убедившись, что все улеглись и послушно укрылись до подбородков кусачими казенными одеялами. Смотрительница порядка собралась было уходить, когда хохотушка Фифи решила высказать претензию нарочито обиженным тоном:

— Зря ты так, Лиана, вот влюбится в меня герцог, сделает своей женой, я тебе потом все-все припомню!

— Ты это брось! Держаться подальше надо от этих герцогов окаянных, они таких, как вы, на ужин едят и не давятся! Ох, чует мое сердце, не с добром приехали Ох, не с добром — и сердобольная Лиана будто перекатилась за порог, попутно закрыв за собой дверь. Но еще несколько секунд слышались ее тихие причитания о «бедных глупых овечках в волчьей пасти» и отдаляющиеся шаги. А потом в комнате стало тихо.

Полин так и не довелось разглядеть дорогих гостей, но особого сожаления по этому поводу она не испытывала, ведь такая возможность представится ей завтра. И наконец вспомнила об ушибленном колене — оно разнылось.

«Надеюсь, завтра проблем с ним не будет. Хотя все равно никого не выберут, среди нас нет сильной Искры. Только нервы директриса всем вытрепала, пока готовила школу к визиту комиссии из Королевского Балета. А как выяснилось, что приедет еще и его попечитель, герцог де Бомон, так и вообще с катушек сорвалась. А толку?» — думала девушка. Тут голодный живот предательски заурчал, и мысли Полин устремились совсем в другую сторону: «Ско-

рее бы уснуть, а там будет завтрак! Конечно, хотелось бы не пресную овсянку на воде, а как в детстве — с ложкой сахара и здоровым таким шмамом масла, которое мгновенно тает и нежно обволакивает каждую крупинку, когда начинаешь перемешивать содержимое тарелки. Еще мягкую булочку в придачу хорошо было бы. Сладкая сливочная каша и ароматная сдоба — умопомрачительное сочетание...» Но, как это обычно бывает при сильном желании уснуть поскорее, сон долго еще не шел к Полин.

Не до сна было и мадам Бекю. Когда наконец высокородные гости прибыли, директриса проводила их в наскоро обустроенные покои на верхнем этаже — когда-то там жили преподаватели, еще не успевшие обзавестись собственными домами. И только после этого женщина смогла уйти в учебный кампус. В тишине своего кабинета она собиралась принять ложку успокоительной настойки, — усмирить расшалившиеся нервы, — и попытаться отдохнуть в громоздком кресле до рассвета. Суэта последних четырех недель знатно вымотала мадам Бекю, но наряду с усталостью она ощущала еще одно некое неприятное чувство где-то в самом центре грудной клетки, которое, судя по всему, давило на легкие, раз стало сложнее дышать. То было чувство жгучей досады. Да, досады. Несправедливости.

Это чувство зародилось в тот самый день, когда секретарь принесла мадам Бекю почту, и среди привычных счетов она вдруг обнаружила нечто крайне неожиданное: письмо с печатью Королевского Балета. И разрывая дрожащими пальцами бумагу конверта, женщина надеялась увидеть сообщение, что 20 лет назад произошла чудовищная ошибка и что ее все же берут в труппу. В то же время женщина осознавала всю иррациональность своего желания: годы хоть и не сказались на ее стати, но определенно лишили тело былой мощи и красоты. И когда директриса прочла, что комиссия самого величественного театра с вековой историей сама снизойдет до вояжа по провинциальным балетным школам в поисках молодых дарований среди слабо искрящихся, она чуть не разрыдалась. Это означало одно: Королевский Балет наконец-то решил сделать ставку на трудолюбивых танцовщиков с отточенным мастерством, а не на дары Мирра, который, судя по всему, утратил былую щедрость. Жаль, что это произошло лишь тогда, когда ее лучшие годы остались позади.

А потом подготовка к приему комиссии настолько поглотила мадам Бекю, что она и думать забыла о несбывшихся мечтах юности. И лишь в редкие минуты женщина ловила себя на мысли, что чувствует себя униженной воспитанницами: они будто хлестали ее по щекам своей почти осязаемой жизненной энергией, снова и снова беззвучно дразнили привилегиями молодости. В такие моменты директриса считала себя вправе отплатить попавшейся на глаза мерзавке за нанесенное безмолвное оскорбление оскорблением явным: могла обозвать кобылой высокую и грациозную Жюли, обезьяной — хохотушку Фифи и коровой — фигуристую Полин, чей бюст каким-то непостижимым образом неплохо так выдавался вперед вопреки скудному рациону с низким содержанием жиров.

Встречая уважаемых членов комиссии ранним промозглым утром, мадам Бекю желала лишь одного: чтобы отбор поскорее остался позади и она снова смогла обрести душевный покой, позволив монотонным обязанностям директрисы вытеснить все мысли о несостоявшейся славе в мире искусства.

Но вдруг выяснилось, что представители Королевского Балета не могут провести смотр, пока к ним не присоединится его попечитель, герцог Анри де Бомон. Как оказалось, инициатором сего предприятия был именно этот человек, и он собирался высказать свое мнение относительно каждой кандидатки в престижную труппу.

Некие дела задержали герцога в столице, потому он должен был явиться на пару часов позднее комиссии. За это время директриса чуть не поседела, пока носилась по пансиону да раздавала всем указания, дабы экстренно подготовить покои для комфортного размещения герцога. И все было сделано в лучшем виде. По крайней мере, в рамках бюджета, которым рас-

полагала провинциальная балетная школа. Тем не менее к обозначенному часу высокородный гость не прибыл, а явился лишь за полночь, когда ожидание стало ну совсем уже мучительным.

Директриса вместе с особо уважаемыми ею членами преподавательского состава и представителями комиссии встречала герцогский экипаж у главного входа в пансион. И когда дверца кареты открылась, выпуская наружу холеного мужчину лет пятидесяти в черном дорожном плаще и треуголке, досада, лежавшая камнем в груди, стала стократ тяжелее. Она вдруг отчетливо осознала, что именно не давало ей покоя все это время: ощущение утерянной власти. Той самой власти, которой обладают молодые женщины, особенно принадлежащие миру искусства, над сердцами мужчин, не исключая и сильных мира сего. Вот как этот самый светловолосый господин в дорогих одеждах, который хоть и не пренебрег правилами хорошего тона в отношении совершенно измотанных долгим ожиданием встречающих, но всем своим видом демонстрировал отсутствие какой-либо заинтересованности в них. Директриса с ужасом думала, что уже много лет назад упустила все шансы покорить такого мужчину и тем самым обрести более красивую и, главное, беспечную жизнь. А вот одна из вверенных ей дурех явно способна вскружить голову этому типу и, если окажется достаточно умной, чтобы не позволить сделать из себя одноразовую игрушку, то перескочит десяток-другой ступенек социальной лестницы и будет взирать свысока на своих бывших подружек. Пока мадам Бекю предавалась этим безрадостным мыслям, вслед за герцогом из кареты вышел высокий молодой человек лет двадцати. На нем тоже был черный плащ, но, в отличие от герцога, юноша был с непокрытой головой, и присутствующие могли оценить удивительный цвет его волос — чистый жемчуг.

— Дамы и господа, позвольте представить вам моего сына, — торжественно произнес герцог. — Маркиз Реми де Бомон!

— К вашим услугам, — безразличным тоном произнес названный и встал прямо напротив мадам Бекю.

И вот теперь, когда директриса вдоволь упиалась жалостью к себе, мысленно прокручивая события прошедшего дня, она вдруг подумала, насколько все-таки ангельская внешность де Бомона-младшего контрастировала с его недобрым волчьим взглядом.

Глава 2

Утром в столовой было оживление. Мало того что грядущий день обещал стать непохожим на другие и дарил многим из воспитанниц надежды на крутой жизненный поворот, так еще и вместо привычной овсянки на воде подали запеченный омлет с овощами, сладкий чай и ломтик белого хлеба с сыром.

— Интересно, как там шея мадам Бекю. По моим подсчетам, ее уже вовсю должна душить жаба, — произнесла рыжая Фифи. Она любовалась золотым оттенком плотного треугольника омлета, нанизанным на вилку.

— Представление для приезжих, то-то и всего, — пояснила Жюли, грациозно сделав глоток чая. — Завтра, смотри, вообще по тарелке кипятка поставят вместо завтрака. Так что ешь, пока дают.

— Да что-то ничего в горло не лезет. Волнительно как-то перед отбором — Фифи явно была настроена обсудить предстоящее мероприятие. — Кстати, как думаете, выберут кого-то из нас? Вот бы взяли нас троих, правда? Будем потом и в Королевском Балете дружить!

Полин, которая уже съела омлет и теперь неторопливо поглощала белый хлеб с сыром, наслаждаясь каждым кусочком, решила вмешаться:

— Я предпочитаю думать, что не выберут. Не хочу тешить себя надеждами, а потом расстраиваться. Будем откровенны — у нас нет никого с более-менее сильной Искрой.

— Ай, ну тебя! Они же зачем-то приехали! Значит, шансы есть! И неужели ты никогда не мечтала о сцене Королевского Балета? — не унималась рыжая.

— Не-а, не мечтала. Я трезво оцениваю свои возможности, — честно призналась Полин и, глядя в расширившиеся от изумления глаза подруги, добавила: — Может, я и тут оказаться не должна была. Просто как-то так получилось...

— Стоп, но ведь после выявления у ребенка Искры выясняют, к какому виду творческой деятельности он тянется. Или у тебя было иначе? — недоуменно спросила Фифи.

— Иначе. В моей деревне не проводили никаких тестирований: не так уж и часто там рождаются искрящиеся. Маги просто спросили родителей, какие способности наблюдались у ребенка, то бишь у меня. Мама и папа сказали, мол, танцор еще тот. Но какой ребенок не танцует? Так что, может, меня определили сюда по ошибке. Я все чаще к этому склоняюсь.

— Ничего себе заявочки! — Фифи явно была поражена тому факту, что только сейчас узнала этот фрагмент из биографии подруги, с которой провела бок о бок несколько последних лет.

— Но ты же хороша в балете, Полин! — воскликнула Жюли.

— Но не лучше тебя и Фифи, — засмеялась девушка. — Кстати, я в любом случае не жалею, что оказалась здесь, потому что повстречала вас двоих!

— А-а-а, это так мило! Я тоже благодарна Мирру за вас! А если кого-то из нас выберут, и нам придется распрощаться? Блин, я сейчас разревусь, — жалобно протянула Фифи и выпятила нижнюю губу в знак доказательства.

— Не реви, не то опухнет лицо и герцог не влюбится! Ты же еще вчера собиралась за него замуж, — пошутила Полин и принялась собирать грязную посуду на поднос: сегодня была ее очередь дежурить на кухне.

— А у него что, нет жены? — удивленно спросила Жюли, которая, в отличие от большинства юных девушек, никогда не тяготела к штудированию светских хроник развлечения ради.

— Ну ты вообще отстала от жизни! Он, между прочим, уже много-много лет вдовец. Но больше я его кандидатуру не рассматриваю, девочки, — Фифи пододвинула к Полин свою вот-вот опустевшую тарелку, пригнулась к столу и заговорщицки прошептала: — Я тут краем уха

услышала, что герцог приехал с сыном. Это его мы вчера видели в окно. Так что будем делать ставки на молодую кровь...

— Ага, удачи, — произнесли Полин и Жюли одновременно и, переглянувшись, рассмеялись.

Попытки мадам Бекю оставить о себе и школе благоприятные впечатления не ограничились полной сменой меню в столовой на время визита столичных гостей. Также для воспитанниц был загодя организован пошив новых репетиционных пачек-колокольчиков, дабы в оных девушки могли выступить на отборе. Чтобы исключить преждевременную порчу изделий, директриса распорядилась выдать пачки прямо перед смотром и строго по одной штуке в одни руки.

Полин, которая, к своему огромному сожалению, была вынуждена заниматься мытьем посуды в столовой вместо того, чтобы переживать волнительные минуты начала отбора вместе с подругами, мчалась за свеженькой пачкой к секретарю мадам Бекю. Получив ее в хрустящем бумажном свертке да поставив в журнале аккуратную подпись с двумя завитками, красотой которых невольно залюбовалась на пару секунд, девушка бодрым шагом направилась в восточное крыло, где и проходил смотр. Маленькая балерина то и дело срывалась на легкий бег — хоть Полин и утверждала за завтраком, что особых надежд на сегодняшнее мероприятие не возлагает, и, в общем-то, не лукавила, все равно разнервничалась из-за предстоящего выступления. Желала «отстреляться» побыстрее. Ведь одно дело — танцевать для не особо-то и прихотливых местных жителей, которые покупают за символические деньги билеты на отчетные спектакли в их школе, а совсем другое — для настоящих знатоков балета из столицы. А ведь они еще и оценивать будут!

Предаваясь размышлениям о смотре и прижимая заветный сверток к груди, девушка взбежала вверх по ступенькам и собралась было повернуть налево по коридору, который ввиду смотра обещал быть совсем безлюдным. Но вдруг из-за угла возник блондин, на ходу щелкнувший крышкой изящного серебряного футляра. Он явно был намерен преодолеть лестницу не менее стремительно, чем Полин.

— Ай! — жалобно воскликнула Полин, налетев на молодого человека и уткнувшись правым предплечьем в тлеющий огонек сигарели. От неожиданной боли Полин дернулась всем телом, взмахнула рукой и случайно выбила из мужских пальцев эту дорогую трубочку, которую раньше видела лишь на страницах иллюстрированных столичных вестников. Сверток с пачкой также выпал из ее рук.

Несколько раз дунув на уже успевший стать красным след от сигарели, Полин подняла глаза на парня в надежде обменяться взаимными извинениями и, быть может, немного поиронизировать над случившимся: ведь так гораздо проще пережить любую неприятность. Но с недоумением обнаружила колючий обвиняющий взгляд, который, того и гляди, вот-вот проделает дыру в ее голове.

— Ты испортила мою сигарель, — произнес блондин абсолютно ровным тоном, но его спокойствие чем-то напоминало медлительность хищника перед смертоносным броском на жертву. Это явно было не тем, что девушка ожидала услышать. Потому недолго думая она решила обвинить самодура в ответ:

— Потому что ты меня обжег! — воскликнула Полин, машинально закрывая поврежденное место ладонью другой руки, будто защищая его. Тем временем парень лениво наклонился за еще тлеющей сигарелью, поднял ее, повертел в руках и хмыкнул:

— Со мной только на «вы» и с трепетным придыханием, деревенщина. И я жду извинений.

— Что?! Это безумие! — возмутилась юная балерина и собралась было ретироваться, как блондин перехватил ее поперек талии одной рукой и оттолкнул к стене.

— Ай! — снова вскрикнула девушка от неожиданности, а потом в сердцах ругнулась:
— Урод!

Парень в мгновение ока приблизился и сжал шею балерины правой ладонью.

— Извинись, — бескомпромиссно потребовал он, наблюдая, как расширяются от ужаса глаза девушки.

— Обойдешься! — не так уж и уверенно ответила Полин, а в следующую секунду парень усилил хватку. Девушка вцепилась обеими руками за его запястье в попытках освободить шею. Тщетно.

— Извинись, — повторил блондин, но гордость балерины явно взяла верх над ее же здравомыслием. И тогда парень чуть отстранился и поднес к ее лицу другую руку, в которой все еще тлела сигарель:

— Что ж, раз в этой глуши хорошему тону тебя не научили, придется мне самому преподавать урок. На всю жизнь запомнишь...

И он преподнес сигарель еще ближе, намереваясь оставить отметину на левой щеке Полин. Ее сердце забилося так, будто вот-вот выскочит наружу. Получить ожог еще и на лице она точно не желала, потому еле слышно прохрипела:

— Извините...

— Что? — он сделал вид, что не расслышал, но чуть ослабил хватку.

— Извините, — повторила Полин. — Я... Я не специально...

И тут же возненавидела себя за вынужденное раболепие. Зато парень, не проронив больше ни слова, освободил Полин и метким движением швырнул сигарель в пролет между перилами. Он еще пару мгновений смотрел на девушку сверху вниз, а потом двинулся вперед к лестнице. По пути к ней молодой мужчина пнул сверток с пачкой, который еще недавно Полин прижимала к груди. Тот с глухим звуком лопнул, и нежно-розовая сетчатая юбка вывалилась на верхнюю ступеньку. Обидчик тут же встал на нее, демонстративно вытер подошву ботинка о полупрозрачную ткань и зашагал вниз, на ходу выжывая из футляра свежую сигарель.

Как только звук его шагов стих, девушка разрыдалась от унижения.

Глава 3

«Урод! Ненавижу!» — Полин бесконечно прокручивала в голове конфликт с парнем, пока вытирала влажной тряпицей след от его ботинка на пачке. В зал для смотра она так и не отправилась — была не готова объяснять всем любопытствующим причины зареванного вида. Вместо этого балерина решила уединиться со своей обидой в общей спальне, поскольку, по ее подсчетам, вероятность того, что туда кто-то придет во время отбора, была не так уж и велика. Она покинула учебный корпус через черный вход, то и дело озираясь по сторонам: а нет ли на горизонте обидчика? Но если с озлобленным парнем Полин разминуться удалось, то прошмыгнуть мимо Пухлианы на ее посту в стенах пансиона не представилось возможным.

— А ну стоять! — не терпящим противоречий тоном потребовала дежурная воспитательница, оторвавшись от вязания. Но потом заметила незавидное состояние юной особы и, как по мановению волшебной палочки, смягчилась: — Полин, детка, что случилось? Иди-ка сюда, садись в мое кресло!

Девушка подчинилась и, как это часто бывает, когда проявляют искреннее сочувствие твоим слезам, не сумела сдержать себя и разрыдалась пуще прежнего. Воспитательница же, кряхтя и сетуя на суставы, уселась прямо на пол у кресла и положила руки на колени подопечной.

— Я... Я... Я не пойду на отбор Не пойду! Не хочу! — залепетала Полин.

— А никто тебя и не гонит! Ради Мирра, объясни, что произошло? Кто тебя обидел? — допытывала Лиана, чье сердце просто разрывалось от сострадания.

— Белобрысый такой... Высокий... В черном! — пожаловалась Полин и, предвосхитив следующий вопрос воспитательницы, добавила: — Нет, не герцог. Молодой такой... Сын его, что ли... А может, и не сын... Не знаю я!

— Должно быть, сынок герцогский, да... Блондинов тут нынче двое ошивается, больше не наблюдала. Так как он тебя обидел, говори! Не посмотрю, что голубых кровей, убью, коли приставал! Отвечай: приставал? — разошлась не на шутку Лиана.

Уж слишком равнодушна была эта женщина к возможным бедам «своих девочек». Она сама еще в молодости усвоила, что представители сильного пола порой поступают крайне недостойно. Каждого из них она авансом подозревала в самых страшных грехах: любой мужчина был в ее глазах злодеем, пока не доказано обратное. И, в отличие от мадам Бекю, пожилая воспитательница не считала, что интерес юных девушек у мужчин служит первым во благо.

— Нет-нет, не приставал! — поспешила заверить собеседницу Полин и, заикаясь, поведала о недавнем происшествии на лестнице, ничего не отняв и не прибавив. Надо сказать, Лиана выглядела малость озадаченной рассказом:

— А ты точно только врезалась в него, и все? Ничего часом не лягнула неуважительного?

— Да нет же! Ничего я ему не говорила! — воскликнула Полин. Ее настолько обидели подозрения Лианы, что она собралась было разрыдаться снова.

— Ну все, поняла, поняла! Я верю тебе! Не реви только больше! — примирительно подняла дежурная обе руки, мол, сдаюсь. — Да даже если бы и что-то эдакое сказанула, нельзя хрупкую девчонку за шею хватать! Особенно когда сам вымахал как оглобля! Говорила я мадам директрисе, что быть беде с герцогами этими И это еще не вечер! Палец даю — еще не вечер! Гони юбочку свою сюда! Приведу в порядок — и на отбор пойдешь!

— Я же сказала, что я не пойду! — захлопала глазами Полин.

— Почему это?

— Я не хочу встретить там этого неадекватного...

— Ну уж нет, дорогая моя! Я не позволю тебе отказаться от шанса показать себя перед комиссией Королевского! Такое везение же раз в жизни бывает!

— Уже повезло выше крыши...

— А ну прекрати мне это! Не пойдешь — всю жизнь жалеть будешь! Вон директриса наша — была чудо как хороша в молодости, ну просто куколка из музыкальной шкатулки! Три года подряд принимала участие в отборе в театр этот ваш!

— Правда? — от удивления Полин даже на секунду забыла о своих бедах: о такой подробности из биографии мадам Бекю она не знала.

— А то! — подтвердила Лиана. — Не шибко-то хотели брать тогда слабоискрящихся! И такой талант пропал в стенах школы! А вам повезло!

— Может, лучше в стенах школы просидеть остаток жизни с ученицами, чем с такими, как этот урод, пересекаться... — спорила Полин, но уже не так рьяно.

— Ты понимаешь, что он там, может, сидит и вспоминает, как тебя довел? С них, герцогов, станется! И вот сдайся ты — так он еще больше ликовать будет! Ты хочешь доставить ему такую радость?

— Нет... — искренне призналась девушка. Воспитательница, заметив, что, кажись, нащупала верный путь к полному убеждению, продолжила:

— Тогда вытирай глазенки и вперед! А коли попадется на пути барчонок этот, гордо подняла голову, как вы, плясуньи, умеете, и пошла по своим делам, поняла?

В этот момент Полин подумала, что Пухлиана, пожалуй, права: не многовато ли чести этому негодяю, чтобы теперь из-за него прятаться по углам? И хотя желания выступить перед комиссией не прибавилось, она все же решила не тушеваться. Ученица провела ладонями под глазами, — от внутренних уголков к внешним, дабы смахнуть последние слезы, — и решительно сообщила:

— Я пойду на смотр. А он пусть подавится своей злобой! Юбку сама попробую отчистить. Все равно мне нужно чуток времени, чтобы лицо стало нормальным. Ну, чтоб не было видно, что плакала... Не говори никому, пожалуйста... Хорошо?

— Конечно, моя дорогая! Ступай, почисти перышки! И да поможет тебе Мирр!

— Спасибо за все, — искренне поблагодарила юная балерина воспитательницу перед самым уходом, а та подумала: «Ох, беде быть! Нутром чую»

Пока Полин приводила себя в порядок и собиралась с духом, в коридоре у входа в зал, в котором проходил смотр, томились в ожидании несколько десятков уже разогретых девушек в танцевальных костюмах: облегающих черных лакотах, новеньких бледно-розовых пачках и жесткой танцевальной обуви на лентах. Как только открывалась дверь, выпуская из зала очередную просмотренную кандидатку, все присутствующие тут же слетались к ней и давай выпытывать, как все прошло. Юные балерины по крупицам собирали информацию о нюансах отбора в надежде, что это поможет им справиться с испытанием. Однако чем дольше длился конкурс, тем стремительнее ослабевало убеждение, что Королевский Балет сильно нуждается в новых лицах: комиссия отсмотрела уже уйму претенденток, а ни одна еще не вышла с улыбкой от уха до уха. Тем не менее многие мечтательные особы рук не опускали и мнили, что уж им-то удастся произвести впечатление на балетных экспертов, и, как следствие, упорхнуть из этих опостылевших стен в новую жизнь.

— Ну, что сказали? — не счесть, сколько раз уже прозвучал этот вопрос в стенах коридора.

— Сказали, неплохо, но для слабой Искры недостаточно мастерства... — неизменно отвечала «отстрелявшаяся».

Когда напряжение первых часов отбора сошло на нет, обсуждение происходящего плавно перетекло в другую плоскость:

— А герцог что-нибудь сказал?

— Только: «Благодарим вас».

— А сын его?

— Нет, он ничего не сказал. Но мне показалось, он так жадно смотрел... Ох, девочки, кажется, я влюбилась... Он такой красивый!

Эффектную внешность герцогского наследника упоминала, пожалуй, чуть ли не каждая побывавшая в зале отбора. А потом объект разговоров и сам явил себя ожидающим своей очереди юным балеринам. Он резко отворил дверь, и, даже не обращая внимания, как резко стихли все разговоры, хозяйской походкой двинулся вперед по коридору, извлекая из кармана футляр с сигаретами. В этот момент девушки аж замерли от благоговения: как хорош, как статен! Конечно же, очарование молодого человека усиливали его титул и состояние, не без этого, но ученицы захолустной балетной школы, неискушенные общением с родовитыми юношами, не могли определить все причины своего восхищения де Бомоном-младшим, потому восприняли его как небожителя. Он олицетворял собой тот самый мир из девичьих грез, в котором есть место лишь любви и счастью. О том, что парень может быть не принцем, а злодеем из сказки, наивные девушки и мысли не допускали.

Пока Реми отсутствовал, новых конкурсанток в зал не вызывали. Это означало, что мнение герцогского сына также имело вес на отборе. Жюли, которая уже успела выступить перед комиссией и смириться с отказом, что, впрочем, далось ей несложно, поскольку девушкой она была здравомыслящей, нагнулась к уху разминающейся рядом Фифи и прошептала:

— Он ни слова обо мне не сказал... И, судя по тому, что говорят остальные, — о них тоже. Интересно, какую роль он вообще играет на отборе? Тоже великий эксперт?

— Тише ты! Дверь вон приоткрыта — услышат же!.. Я не знаю, — честно призналась рыжая. А потом сделала фуэте и добавила с кокетливой улыбкой на губах. — Но я определенно не против, что он здесь!

— Может, без него не смотрят просто как бы в знак учтивости? Ну, честь ему таким образом оказывают, — встряла в их разговор стоящая рядом Розетта. Глядя на эту девушку, любой бы отметил, насколько не подходит ей ее имя: вытянутое невыразительное лицо и жиденький пучок светло-русого оттенка ну никак не вызывали ассоциаций с королевой цветов.

— Может Но все равно как-то странно. Зачем тогда герцог вообще притащил его с собой? Если он ну никак не влияет на отбор? — рассуждала Жюли.

— Ой, не все ли равно? А если женить его решил? Невесту ему смотрят! Чем демон не шутит! — Фифи даже не скрывала своих брачных надежд.

— Да-да, среди нищенок со слабой Искрой только невест и искать — Жюли была настроена скептически. — Ой, идет опять...

На своем обратном пути де Бомон-младший снова не удостоил ни одну из девиц вниманием. Но, кажись, уходил он в более ровном расположении духа, чем возвращался. Молодой человек несея по коридору словно вихрь, оставляя за собой лишь недоуменные перешептывания, и в итоге хлопнул дверью так, что посыпалась штукатурка.

— Розетта Кокто! — донесся голос мадам Бекю мгновением позже.

— Ой, девочки, у меня колени подкашиваются... — пожаловалась названная.

— Давай, Розетта, ни овчинки ни выделки! — пожелала ей Фифи, за что тут же получила символическую оплеуху от Жюли.

— Ни пуха ни пера, бестолковая! — поправила подругу та.

Глава 4

Мадам Бекю, цель присутствия на отборе которой сводилась лишь к унижительным для нее приглашениям в зал девушек да редкому озвучиванию комментариев об их способностях, тоже чувствовала себя малость обескураженной происходящим. Ведь создавалось впечатление, что столь уважаемые ею члены комиссии из Королевского Балета отсматривают кандидатов не столько для усердной работы в театре, сколько на потеху семейки де Бомон. Иначе как еще объяснить тот факт, что решающее слово — за представителями этой фамилии? От глаз директрисы не укрылось, как в конце каждого выступления герцог поворачивал голову к сидящему слева от него сыну и, прищурившись, изучал его реакцию, после чего благодарил станцевавшую только что девушку. Его «Спасибо!» командированные работники театра явно расценивали как «Нет!», потому что сразу же начинали озвучивать кандидатке дежурные причины отказа вроде слабой Искры и недостаточно хорошей техники.

А когда Реми, наплевав на все правила приличия и недовольный вид отца, отправился вдруг на перекур, мадам Бекю утвердилась в своем мнении: вот кто правит бал! Ведь в отсутствие де Бомона-младшего женщину одернули, соберись она было вызвать следующую ученицу на смотр. Мол, надо молодого мсье дождаться. «Кого и для чего они ищут?» — закусил тонкую губу мадам Бекю, наблюдая, как представители самого престижного в мире театра заискивают перед де Бомонами. И не менее любопытно было директрисе, почему именно этот белокурый парень выносил юным балеринам вердикт, хотя и не произносил при этом ни слова. Лишь продолжал сидеть с таким видом, будто нет на свете занятия неприятнее, чем наблюдать, как девицы из шкуры вон лезут, дабы впечатлить его своими фуэте и жэтэ. И презирающий взгляд парня из-под лба явно мог сбить уверенность даже с самой целеустремленной танцовщицы.

Возвращение юноши ознаменовалось таким оглушительным хлопком двери, что мадам Бекю даже вздрогнула от неожиданности. Реми же проследовал к своему месту и уселся, откинувшись на спинку кресла по своему обыкновению. Но глаза его были остекленевшими — мысленно он явно был не здесь. Молодой мужчина саклонился к столу и взял перо. Там, где белоснежно-белой скатерти касались его пальцы, остались едва заметные алые следы, на которые тут же бросил взгляд герцог. Реми зачарованно повертел перо в руках. Затем положил на место. Снова откинулся на спинку кресла. Скрестил руки на груди. Директриса отметила, что Реми явно на взводе. Но причины обдумать не успела — ее попросили пригласить следующую балерину...

«Ох, какой позор! Давно надо было выгнать вашей Розетту! Что теперь обо мне подумают?» — причитала про себя мадам Бекю. Ее нерадивая ученица мало того, что начала танцевать мгновением раньше, чем началась музыка, так еще и завалилась на пятку в арабеске. Директриса заметила, как мужчина и женщина из Королевского Балета красноречиво переглянулись, и приняла это на свой счет. Ей показалось, что выражения их глаз говорили: «Чего еще ждать от этой захоластной школы?» Бекю сжала губы так, что они превратились в тонкую белую нить. Розетта тем временем продолжала танцевать, не замечая, что на ее левой танцевальной туфельке вот-вот развяжется лента. Когда это наконец случилось, девушка не смогла не споткнуться к ужасу директрисы.

В этот раз представитель театра даже не стал дожидаться герцога и принялся прощаться с Розеттой:

— Благодарим вас! Однако нам в труппу требуются девушки с...

— Bravo! — воскликнул вдруг герцогский сын к великому удивлению присутствующих, ведь с момента начала смотра он не произнес ни слова в адрес балерин, и начал лениво аплодировать. Сейчас на его губах играла недобрая усмешка. — Я думаю, в труппу требуются как раз такие талантливые особы!

Герцог тут же повернулся к юноше и сквозь зубы злобно процедил:

— Реми!

— А что не так? — продолжал улыбаться молодой человек. — У меня мурашки по коже от выступления мадемуазель... э-э-э... Розали? Думаю, ее ждет большое будущее в театре!

— Маркиз, я прошу прощения, но, боюсь, это... — начал было эксперт в роговых очках, но тут же осекся, стоило герцогу сделать небрежный жест рукой в его сторону. Мадам Бекю в очередной раз поразила, как велика власть этого человека.

— Ты уверен? — отчетливо выговаривая каждый слог, произнес де Бомон-старший, обращаясь к сыну. Он, кажись, решил просверлить Реми взглядом. А вот до членов комиссии и застывшей в недоумении Розетты в одной туфле ему будто и дела не было.

— Я же сказал: мурашки по коже. От нее, — молодой человек взял со стола многострадальное перо и небрежно махнул им в сторону балерины. — Мы нашли, кого нам надо, можно сворачивать этот бред.

И Реми швырнул писчую принадлежность обратно, после чего отодвинулся от стола, демонстрируя намерение встать и уйти, однако строгий голос герцога остановил его:

— Вернись на место! Ничего мы сворачивать не будем! Мы продолжим смотреть. На случай, если ты... ошибся.

Реми бросил на отца недовольный взгляд, но так шумно придвинулся к столу, что от противного скрежетания ножек кресла по полу у присутствующих свело зубы. Герцог покачал головой и наконец-то обратился к несчастной Розетте:

— Что ж, мадемуазель, примите наши поздравления!

Директриса посмотрела в сторону остальных членов комиссии — те явно были шокированы потаканием герцога сыновьему капризу. Женщина из театра открыла было рот, но ее спутник в очках шикнул: «Не надо, в столице разберемся... У герцога де Бомона слишком большое влияние на бюджет, чтобы мы могли спорить с его наследником». Девушка же продолжала тарачиться на вершителей своей судьбы с открытым ртом и никак не реагировала, словно она до сих пор не могла переварить смысл происходящего. Мадам Бекю пришлось вмешаться:

— Розетта, ты прошла отбор. А теперь освободи зал, не задерживай комиссию! И пригласи Фифи Фийон, пожалуйста.

Услышав голос строгой наставницы, балерина тут же оживилась:

— Спасибо! Спасибо! Спасибо! — залепетала она и давай делать неуклюжие реверансы. После чего подобрала потерянную туфлю и поскакала на одной ноге в сторону выхода. Только добравшись до двери и распахнув ее, Розетта что есть мочи выкрикнула имя следующей выступающей. Ее высокий голос сорвался на полуслове, отчего раздался звук, похожий на бляение козы. Со стороны столичных экспертов послышались вздохи, и мадам Бекю обреченно прикрыла глаза рукой.

— Здравствуйте! Можно? — в проеме двери показалась рыжая голова Фифи. Девушка улыбалась так, будто ей предстоял не своего рода экзамен, а развлекательное мероприятие. И лишь самые близкие ее подруги знали, что она умело маскирует страх и прочие досадные чувства дурашливым поведением.

— Проходите, мадемуазель Фийон, — позволила директриса и обратилась к комиссии: — Что прикажете исполнить?

— «Танец лесной феи» из балета «Путешествие принца Киприана», пожалуйста, — попросил приземистый мужчина, и аккомпаниатор положила изящные длинные пальцы на клавиши фортепиано в ожидании, пока Фифи пройдет в центр зала и встанет в нужную позицию.

Что ж, и этой жизнерадостной рыжей претендентке явно не доставало силы Искры, чтобы отправить своих немногочисленных, но искушенных зрителей в фантастический мир, по которому совершал свой выдающийся вояж вымышленный принц Киприан.

Однако все сидящие в зале, за исключением, пожалуй, вновь взирающего из-под лба Реми де Бомона, прониклись харизмой Фифи. Легкость, с которой та порхала, демонстрируя комбинацию необходимых для «Танца лесной феи» движений, не навевала ни малейшей мысли о том, какой каторжный труд за ней стоит. А выражение веснушчатой мордашки девушки, старательно изображающей игривость беззаботного лесного создания, вызывало желание улыбаться.

И вот прозвучали последние ноты мелодии. Фифи сделала изящный реверанс, но, поднимаясь, не удержала равновесие и чуть качнулась. Чтобы скрыть неловкость, она звонко расмеялась и, взглянув прямо на Реми, выпалила:

— Ой, мсье, вы так строго смотрите, что у лесной феи крылышки отвалились!

В зале повисла мертвая тишина. Члены комиссии замерли в шоке от дерзости. Реми, вопреки ожиданиям Бекю, не разозлился. Он медленно поднял взгляд на раскрасневшуюся, тяжело дышащую Фифи, и его губы тронула тень усмешки — почти соучастной. Он чуть наклонился вперед, словно собираясь ответить на шутку, но почему-то спохватился и лишь едва заметно кивнул.

Пока представители Королевского Балета тепло обсуждали танец девушки, избегая какой-либо конкретики, герцог искоса наблюдал за Реми — тот снова с равнодушным видом вертел перо, не глядя на ожидающую вердикта балерину.

Де Бомон-старший тихо произнес:

— Думаю, я достаточно хорошо знаю твои уловки, чтобы... — он не договорил. А потом повернулся к Фифи и уже в голос объявил: — Благодарим вас, мадемуазель! Вы свободны!

Реми только хмыкнул.

Глава 5

Когда Полин присоединилась наконец к своим однокашницам, отбор уже подходил к концу. Оставалась буквально пара учениц, которые еще не станцевали перед комиссией.

— Где ты бродишь?! — спросила с укором Жюли, встречая запыхавшуюся от бега лучшую подругу.

— Директриса уже дважды вызывала тебя, но оба раза мы сказали, что ты еще на дежурстве на кухне.

— И что она? — переводя дух, поинтересовалась Полин.

— Такая: «Передайте этой медлительной корове, что я ставлю ее в самый конец очереди!» — вмешалась Фифи и тут же получила неодобрительный взгляд Жюли:

— Необязательно было дословно передавать!

— Да ладно тебе, все нормально! Я же знаю мадам Бекю, — махнула рукой Полин и спросила: — Как вообще обстановка?

— О, ты представляешь — начала было рыжеволосая, но мельком оглянулась, будто отыскивая кого-то взглядом, а потом приблизилась к Полин и прошептала: — Кривоногую Розетту взяли!

— Правда? — удивилась девушка, поскольку Розетта была одной из самых отстающих в их танцевальном классе. — Может, ей удалось раскрыть свой потенциал и блеснуть?

— Ой, я тебя умоляю, — закатила глаза собеседница. — Она выползла из зала в одной туфле. Значит, «блеснула» она как обычно.

— А кого еще взяли?

— Никого! — ответила Фифи и посмотрела на Полин так, будто она в этом и виновата.

— Никого из сорока шести человек! — дополнила Жюли.

— Только вот Розетту эту кривоногую! — поведала зачем-то еще раз рыжая.

— Это не наше дело! — разозлилась на подругу Жюли. — Раз взяли, значит, подошла! Может, типаж им такой нужен!

В этот самый момент распахнулась дверь, ведущая в зал для отбора, и очередная отсмотренная танцовщица привлекла внимание соучениц.

— Ну, что сказали? — в очередной раз раздалось в коридоре, правда, в этом вопросе уже не слышался энтузиазм говорящей, просто праздное любопытство.

— «Искра слабая. Спасибо, вы свободны...» — устало произнесла вышедшая, а потом, спохватившись, добавила: — Ой, там следующую уже ждут. Белль!

— Что и требовалось доказать. Я же говорила, что не нужны мы им со своими слабыми Искрами. Может, оказалось, что у Розетты она сильнее, чем у нас, — обратилась к подругам Полин.

— После Белль вообще-то ты. Беги скорее переодеваться, — поторопила ту Жюли.

— А толку? — вздохнула Полин, но, наткнувшись на строгий взгляд подруги, дальше спорить не стала и поплелась за ширму, которая стояла посреди коридора. Там она на скорую руку переделась в лакот и еще влажную после застирывания пачку-колокольчик.

— Можно? — робко спросила девушка, стоя в дверях и слева направо оглядывая уже уставших членов комиссии. Взгляд наткнулся на герцогского сына, сидящего в конце стола рядом с отцом. Он медленно поднял на нее глаза. В этот самый миг по телу Полин прокатилась волна ужаса. А память «услужливо» подбросила фрагменты недавнего прошлого.

Сигарель в тонких пальцах. Красный ноющий кружок на предплечье. «Ты испортила...» Тонкие пальцы, под которыми шея горит огнем. Серые недобрые глаза, пугающие до дрожи в коленях. Светлая прядь, небрежно упавшая на лоб. Крохотная родинка под губой слева. «Извинись...» Девушке захотелось бежать. Как можно быстрее! И не оглядываясь! Полин чуть было

не захлопнула дверь, дабы осуществить желаемое. Но в этот самый момент парень злорадно ухмыльнулся. «Да он же прекрасно осознает, что мне страшно, и издевается! Ну уж дудки! Не будет он смотреть, как я улепетьваю! Не доставлю я ему такого удовольствия!» Полин нервно сглотнула и тут же задрала подбородок, чтобы хотя бы горделивым видом замаскировать внутреннюю дрожь.

— Проходите, вам говорят, — позвал приземистый мужичок в очках, и девушка, внезапно опомнившись, прошагала в центр зала и остановилась в ожидании дальнейших указаний.

«Не смотри туда! Не смотри!» — приказывала себе Полин, направив взор куда-то между тем самым мужчиной и герцогом. Но боковым зрением все равно уловила, как новоприобретенный враг откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди, мол, приступай, развлекай меня.

— «Прощание Элизы» из балета «Сирена и пират», пожалуйста.

Полин встала в исходную позицию и прикрыла глаза, пока аккомпаниатор шумно листала ноты в поисках нужной страницы.

«Так, пират отправляет на прогулку по доске случайно попавшую на его корабль Элизу, предварительно обесчестив ее вместе со своими головорезами. В танце Элиза не только прощается с жизнью, но и клянется пирату отомстить — смерти вопреки. А потом она становится морской сиреной», — вспоминала балерина либретто. Неспешно полилась печальная мелодия, и Полин начала танцевать.

Плавно скользя назад по полу одной ногой и прогибаясь в спине с одновременным движением рук над головой и за спину вниз, девушка представила бездонную синюю высь, вглядываясь в которую Элиза беззвучно молила Мирра не покидать ее. Медленно разгибая корпус и скрещивая руки на груди, Полин позволила глазам наполниться соленой влагой — это плакала ее героиня, осознав свое одиночество среди бескрайних морских просторов, холодных и враждебных. А сделав плие и несколько антраша, маленькая балерина услышала скрип шаткой доски под ногами, до которой вдруг сузился пошарпанный паркет зала. И вот девушка едва удержала баланс, чтобы продемонстрировать наклон и арабеск. «Только бы не упасть, только бы не упасть!» Именно этого желала Элиза, балансируя на старой доске, влажной от смелых прикосновений морских волн, которые взяли небывалую высоту в своем стремлении к небу, но наткнулись на преграду.

На мгновение героиня балета «Сирена и пират» увидела ухмыляющийся лик своего врага. «Странно, — подумала Полин. — Раньше я представляла его зрелым черноволосым мужчиной со спутавшейся бородой и повязкой на глазу. Теперь же я вижу дьявольски прекрасного юношу с волосами цвета морского жемчуга... И я ненавижу его. Он унизил меня! Он заставил меня насильно... извиниться!» Мелодия ускорила — волна гнева захлестнула Элизу. Или Полин? Балерина уже не осознавала. Она кружилась по полу, не замечая никого, кроме ненавистного блондина. «Кем бы ты ни был! Ты не сможешь растоптать меня!» И вот финальный аккорд. Гранд жэте ан турнан — прыжок со шпагатом в воздухе, и Элиза скрылась в морских глубинах. Израненная, но не сломленная...

Полин с облегчением выдохнула и присела в реверансе. Члены комиссии молчали. «Конечно же, они не увидели ни скрипучую доску, ни звезд в синеве небес. Моей искры для этого недостаточно. Но я хотя бы не осрамилась перед этим мерзким аристократишкой», — рассуждала про себя девушка.

— Наконец-то все, верно я понимаю? Расходимся? — раздался голос этого самого негодя. Он не смотрел на Полин — обращался к отцу.

— Реми, это невежливо! Прояви хоть немного учтивости по отношению к молодой особе! — герцог попытался сделать выговор сыну как можно тише, но слышали все сидящие за столом. Только Полин со своего места в центре зала не понимала, что твердит взрослый аристократ молодому с таким недовольным выражением лица.

— Благодарим вас, вы свободны! — копируя манеру отца, в голос выдал де Бомон-младший, и девичье довольство самой собой мигом улетучилось.

— Ваш танец произвел на нас впечатление, но, пожалуй, Искра слабовата для Королевского Балета, — устало произнес герцог дежурную фразу и ободряюще улыбнулся Полин.

— Кхм-кхм — прочистил вдруг горло мужичок в очках. — Я прошу прощения, Ваша Светлость, но профессиональный взгляд старого балетмейстера не позволяет мне промолчать. Если вы позволите, я бы дал шанс этой особе. Конечно, ее Искра действительно не так сильна, как хотелось бы, — я разве что слышал слабый плеск волн, — но какая экспрессия! Да она же прожила все чувства Элизы!

— Нам пригодятся такие танцовщики, — поддержала коллегу еще одна представительница Королевского Балета, которая сидела слева от герцога.

Полин перестала дышать. «Неужели меня берут? Хотя нет, окончательное решение принимает же покровитель. Кого он хочет видеть в труппе, того и приглашает...» Но тот молчал еще несколько томительных секунд, словно раздумывая — настоять на своем или нет. А потом обратился прямо к замершей в ожидании девушке:

— Что ж Раз многоуважаемая комиссия Королевского Балета разглядела в вас потенциал, примите мои поздравления, мадемуазель...

Полин не осознавала происходящее — почему-то именно сейчас начало жечь в районе предплечья, и девушка представила спасительную прохладу морской воды — той, в которую ушла Элиза.

Из задумчивости балерину вывел хруст — маркиз сломал перо пальцами одной руки. Девушка подняла глаза на лицо парня в ожидании увидеть на нем то самое презрение, однако в его глазах этого чувства не было. Там был страх?

Глава 6

— Тоже мне! Я бы задумалась, такая ли уж это честь, если тебя берут вместе с Розеттой! Небось на потеху всем! — прозвучал надменный голос, обладательница которого явно желала быть услышанной всеми в столовой.

— Ефли фавидуефь, так и скафы! — заорала в ответ Фифи, совершенно позабыв, что она до конца не прожевала отправленную в рот пару секунд назад порцию каши. И, конечно же, забрызгала стол ошметками вареного овса.

— Спасибо, что заступаешься за меня, но не стоит. Не обращай на них внимания, — устало попросила Полин, флегматично отодвигая от себя тарелку, в которую, кажется, попала слюна подруги, что напрочь отбило и без того незавидный аппетит. На скрежет алюминиевой миски по столу отреагировала Жюли, повернув голову. Полин виновато улыбнулась, но потом проследила за взглядом подруги и поняла, что та смотрит на ожог на ее предплечье. Девушка спешно одернула рукава и прошептала: «Вчера на кухне, когда дежурила...»

— Конечно, удивила ты нас конкретно... Кричала: «Балет — это не мое», а сама вон... — Фифи и не думала скрывать собственную досаду.

— Я не ожидала такого итога, честно, — подняла глаза Полин, в которых почему-то не наблюдалось блеска торжества. — Я просто хотела быстрее станцевать и забыть об этом отборе! А получилось вот как. Я... я даже не мечтала об этом!

— Тебе незачем оправдываться перед нами, — вмешалась Жюли. — И для меня нет ничего удивительного в том, что тебя взяли: ты прекрасно танцуешь. Мы рады за тебя. Да, Фифи?

— Да! Рады! — саркастически отозвалась та. — Только никого не смущает, что она уедет? Когда, кстати?

— Где-то через месяц, насколько мне известно. Когда они посетят оставшиеся балетные школы. Директриса должна известить.

— Прелестно! Через месяц мы, значит, расстаемся.

— Мы будем переписываться! Я хоть каждый день готова писать вам письма! — смело заявила Полин, и Жюли в ответ закивала:

— И в гости будем друг к другу приезжать! Ну, когда мы выпустимся.

— Ай, — махнула рукой Фифи и отвела взгляд. Принялась крутить на месте стакан с чаем. — Все всегда такое обещают друг другу, когда разъезжаются. А потом со временем становятся чужими. И никаких писем, никаких гостей. Уж поверьте моему опыту.

— Это когда ты такого опыта успела набраться? — удивилась Жюли. — А вот, представь себе, успела! — огрызнулась та, и за столом воцарилось молчание.

Конечно, мало кто из присутствующих не заметил разительный контраст между сегодняшним завтраком и вчерашним. Всего сутки назад в этом же месте царила сказочная атмосфера, наполненная надеждами и предвкушениями юных девиц. Сегодня же здесь воцарился дух разочарования и горечи. А еще и завтрак оскорблял взор творческого человека своими невзрачными цветами, чего не скажешь о вчерашней утренней трапезе. Ведь важные гости отбыли, и директрисе уже никому не нужно было пускать пыль в глаза.

— Везет же некоторым, — снова принялась вздыхать Фифи. — Мало того что танцевать в Королевском будешь, так еще и гляди, красавчика этого охмуришь!

— Ты о герцогском сыне? — уточнила Жюли. Полин вздрогнула.

— Нет, блин, о том старом толстяке в очках из комиссии! — раздраженно отчеканила рыжая, но, наткнувшись на недоумение Жюли, пояснила: — Ну конечно же, о герцогском сыне!

— Не собираюсь я его охмурять! — рявкнула вдруг Полин. Она не заметила даже, что сделала это слишком уж громко. Девушки, сидящие за соседними столами, замолкли и уставились на нее.

— Эй, ты чего? Ну не хочешь охмурять, ладно... — Фифи явно не ожидала такой реакции подруги, которая никогда не славилась вспыльчивостью.

— Да просто бесит уже это слушать: красавчик, красавчик! Может, он душой урод! Почему приятного личика достаточно, чтобы превозносить человека? — завелась девушка. Она так и не смогла рассказать приятельницам о произошедшем вчера на лестнице: почему-то было стыдно описывать свое унижение.

— Правильно! — поддержала подругу здравомыслящая Жюли. — У него вообще такой взгляд, что бр-р-р! Дай ему волю — сожжет глазами!

Фифи на это лишь фыркнула.

Когда начался балетный класс, Полин с удивлением обнаружила, что Фифи, которая обычно занимала место у станка впереди нее, в этот раз почему-то решила разместиться на противоположной стороне репетиционного зала. Поймав мимолетом вопросительный взгляд подруги, рыжая тут же отвернулась и сделала вид, что для нее сейчас существует лишь учительница, которая вот-вот вошла в помещение. Та, не утруждая себя долгим приветствием, сходу озвучила комбинацию.

«Фифи обиделась, потому что я так гаркнула на нее за завтраком? Но это на нее не похоже...» — думала Полин, приседая в деми плие и поднимаясь на полупальцы. Больше всего на свете ей хотелось обернуться к Жюли, танцующей сзади, и уточнить, не знает ли та причину странного поведения рыжей. Но как назло, мадам не давала передышки, и связка сменялась новой связкой.

Давно занятие не казалось ученице настолько долгим. Пожалуй, с тех самых времен, когда она была напуганной крохой, волей судьбы оказавшейся в балетной школе. Многие движения долго не давались Полин, а педагоги в таких случаях не скупились на едкие оскорбления. Потому и приходилось считать секунды до окончания очередной экзекуции. Точнее, урока. Это потом уже ранимая детская душа обросла какой-никакой, а броней, и неприятные высказывания учителей перестали причинять прежнюю боль.

— Мадемуазель! Мы вам тут не мешаем? — грубо обратилась к Полин преподавательница: девушка все же не выдержала и попыталась позвать Жюли, когда настало время сделать разворот у станка и повторить движения на другую ногу и руку.

— Извините, — негромко произнесла покрасневшая, как плод барбариса, балерина, однако мадам этого явно было недостаточно.

— Пока вы еще здесь, ваши успехи на смотре не имеют никакого веса! — зычно добавила она, глядя сверху вниз на провинившуюся ученицу.

Полин хотелось провалиться в демонову бездну, ведь со всех сторон послышались злобные смешки. Она машинально посмотрела в сторону Фифи в поисках привычной поддержки. И, к своему недоумению, увидела некое торжество в глазах подруги. Но она тут же попыталась его скрыть подобием ободряющей улыбки, которая говорила: «Ой, ну подумаешь, училка отчитала! Мне бы твои беды!»

— И вообще, — продолжала мадам. — На каком это основании вы решили дополнить форму этим безвкусным платком? Вам теперь закон не писан? Решили выделиться? Мне кажется, вы слишком рано возомнили себя этуалью!

Снова раздалось хихиканье.

Полин неосознанно потянулась рукой к бледно-розовому платку на своей шее, будто его пытаются отобрать. Вещицу она несколько месяцев назад получила почтой от родителей на именины, и сегодня утром та пришлась как нельзя кстати — следы на шее вызвали бы массу вопросов. Родители, наверное, не один месяц копили на расшитый серебряной нитью платок

из добротной ткани, потому оценка мадам — «безвкусный» — ощущалась как болезненная пощечина и вызывала желание отплатить той же монетой, дабы защитить честь мамы и папы. Но девушка подавила гнев и снова воспроизвела ложь, которую утром озвучивала уже соседкам по комнате. Правда, сейчас ее тон был менее уверенным:

— У меня просто горло побаливает. Вот я и решила... Ну, платок повязать, чтобы согрел шею... Простите...

— Отлично, давайте еще и заразите нас всех! — рявкнула мадам. Но, судя по всему, ответом она осталась удовлетворена, поскольку продолжила вести класс.

Остаток занятия Полин прилежно выполняла команды преподавательницы, чтобы больше не привлекать к себе ненужного внимания. И думала о том, что, пожалуй, приобретенная броня на душе, которую она в красках представляла ранее, все же имеет брешь. Иначе как объяснить, что ей сейчас до безумия стыдно?

— Шаг! Арабеск! Полупальцы! Стоим! — потребовала мадам, и, убедившись, что никто не потерял равновесие, выразила удовлетворение: — Так, хорошо... Закрыли. Теперь на левую. Шаг! Арабеск! Полупальцы! Стоим! Стоим! Я сказала, стоим, Розетта! Закрыли... Всем спасибо, занятие окончено!

Девушки лениво поаплодировали, после чего устремились к одному из углов зала — забрать свои вещи из ячеек шкафчика. В ряду первых Полин обычно не бежала, поскольку находила более приятным обождать и уйти последней, нежели толпиться вместе со всеми. Но сегодня ей не давало покоя поведение Фифи, потому она сразу рванула к шкафчику вслед за подругой.

— Эй, ты чего? — сходу спросила Полин, когда нагнала рыжеволосую. — Обиделась?

— В смысле? — подруга сделала непонимающий взгляд.

— Ну, сегодня ты не встала рядом. Почему? — Просто. Захотелось позаниматься в другом месте.

— М-м-м. Понятно, — ответила Полин, хотя понятно не было. Но девушка продолжила попытки пробить стену отчуждения: — Пойдем на парапете посидим как обычно?

— Ой, сегодня без меня. У меня дела, — отрезала Фифи, не глядя подруге в глаза, и направилась к выходу.

— Не обращай внимания. Ты ни в чем не провинилась, а ей надо время перебеситься, — раздался голос Жюли. Полин и не заметила, когда это она успела оказаться рядом.

— Ну что, пойдём тогда посидим вдвоем? Пока перерыв не закончился, — позвала девушка.

— Ай, вдвоем не так весело. Да и сегодня прохладно, задние точки отморозим. На парапете этом, — раскритиковала предложение подруги Жюли. — Пойду лучше почитаю чуток. Не грусти!

И Жюли растворилась в толпе других учениц.

Пожалуй, такой одинокой, как сегодня, Полин не чувствовала себя никогда.

Глава 7

«Как быстротечно время. Вот уже и деревья пожелтели», — думала мадам Бекю, неспешно прогуливаясь вдоль речушки, к которой там и сям драматично склоняли золотистые макушки красавицы-ивы. Женщина выходила на променады по окрестностям ежедневно после полудня, и горе было тому, кто смел попасться ей на глаза на любимом маршруте да обозначить некие «неотложные проблемы», ради решения которых надо было срочно возвращаться в школу. На головы гонцов с недобрыми вестями тут же обрушивался гнев директрисы, будто те и были виновны во всех бедах.

И когда позади раздалось визгливое: «Мадам Бекю, мадам Бекю!», женщина помянула демона и приготовилась покрыть ядом взывавшую к ней секретаршу. Когда та ее нагонит, конечно же. Мадам и не думала развернуться и пойти навстречу мадемуазель Прат. Ну или хотя бы подождать. Директриса упрямо продолжала свою прогулку, всем своим видом демонстрируя, что не собирается снисходить до вопящей во все горло помощницы.

— Мадам Бекю! — прозвучало прямо за спиной женщины, и она наконец замедлила ход, позволяя запыхавшейся секретарше поравняться с ней.

— Неужели вы все настолько беспомощны, что не можете без меня и 40 минут поработать? — начала было мадам.

— Мадам Бекю, там почтальон. Важная корреспонденция. Под расписку. И никак иначе. Я говорила ему: «Наша мадам ужас как занята, давайте я распишусь за нее!» Гарантировала, что передам письмо в полной сохранности. Лично в руки, как надобно! А он ни в какую! Вы представляете? Уперся как бык! Мол, настолько все серьезно, — пролепетала мадемуазель Прат скороговоркой, прекрасно зная, что манера речи провинциальной простушки претила тонкой натуре бывшей балерины. Но секретарша небезосновательно считала, что мадам Бекю сговорчивее в раздражении, нежели в гневе. Но сегодня удача была не на ее стороне.

— И вы, конечно же, не знали, что его надо попросить навеститься в другой раз. И, более того, пообещали ему привести меня сейчас же. Верно я вас поняла? — тщательно выговаривая каждый слог, спросила Бекю, и сердце мадемуазель Прат сделало кульбит.

— Ну, я подумала, что там что-то важное, и...

— Ты подумала? — мадам вдруг раскатисто засмеялась, и тут же с ближайшего дерева испуганно взмыли ввысь четыре птички, — Нет, драгоценность моя, ты не подумала. Потому что, судя по всему, тебе по голове постучи — и раздастся глухой звук, потому что она полая. Сколько раз я должна еще сказать, что запрещается меня беспокоить во время прогулки, если речь как минимум не о пожаре?

— Извините, мадам... — пристыженно пробормотала мадемуазель Прат. — Я подумала... точнее, не подумала, потому что голова у меня пустая... Не подумала я, что раз письмо от герцога де Бомона...

— Что? От герцога? — резко остановилась Бекю и впервые за весь этот неприятный для обеих сторон диалог вгляделась в лицо собеседницы — оно было мокрым от пота и напоминало промасленный донельзя блин из дешевой ярмарочной лавки. В другой раз директриса скривилась бы от отвращения да преподала бы помощнице пару уроков хорошего тона, но сейчас любопытство захлестнуло женщину так, что стало не до нравоучений. Напротив, она выдала:

— Что же ты раньше не сказала? А ну беги к почтальону, скажи ему, чтобы меня дождался. Не то уйдет еще!..

Мадам Бекю едва не рыдала от разочарования, когда дочитывала строки на гладкой как лед бумаге с изображением фамильного герба. Когда в ее руки легло письмо, она не могла дожидаться, когда болтливый почтальон наконец верно истолкует ее односложные ответы да уберется восвояси, чтобы как можно скорее запереться в кабинете и прочесть послание.

И когда директриса открывала конверт, в нос ударил легкий аромат дорогого парфюма с нотой удового дерева, и это только укрепило ее надежды на романтическое содержание письма. Но каким болезненным было падение из иллюзий в реальность! Письмо герцога носило исключительно официальный характер и касалось юных балерин. «Ах, вот что вы хотели! Что ж, воля ваша будет исполнена. По высшему разряду», — и Бекю небрежно бросила письмо в выдвижной ящик...

В репетиционном зале пахло канифолью и застарелым потом — запахами, которые Полин ненавидела и обожала одновременно. Балерина стояла посреди пустого зала и раз за разом воспроизводила танец «Прощание Элизы» в надежде сделать это так же, как на отборе. Но казалось, что скорее она упадет замертво от бесконечных повторений, нежели снова услышит скрип шаткой доски под ногами и почувствует соленые брызги на щеках. «В Королевском Балете быстро поймут, какую бездарность они взяли, и выставят меня вон», — с горечью думала Полин. Теперь, когда лучшие подруги избегали общества девушки, идея начать новую жизнь в столице уже не казалась такой пугающей. Однако, видит Мирр, с такими успехами закрепиться в труппе ей не светит.

Полин представила мерзкую ухмылку злобного пирата из либретто — сейчас тот снова был черноволосым и длиннорылым — и сделала гранд жете. И хотя ноги казались налитыми свинцом, прыжок удался на славу. «Хоть что-то получается», — отметила балерина и сделала реверанс собственному отражению в зеркальной стене. Оно вежливо присело в ответ.

Вдруг где-то сбоку раздались аплодисменты, и девушка вздрогнула от неожиданности. Прислонившись к дверному косяку, манерно хлопала в ладоши Фифи. Почему-то жаркая волна стыда прокатилась по телу Полин. Она зарделась так, будто ее поймали за поеданием запрещенной для танцовщиц сдобной булки с хрустящей сахарной корочкой.

— Ой, я тебя не заметила. Ты давно здесь? — виновато улыбнулась балерина подруге, однако Фифи не улыбнулась в ответ. Более того — в ее взгляде читалось осуждение.

— Меня послала на твои поиски Лиана, — проигнорировала вопрос Фифи. — Уже вообще-то отбой прозвучал, а тебя нет. Она там раскудаhtалась вовсю, так что сворачивай свой спектакль.

— О Мирр! Я совсем забыла о времени! Сейчас быстренько переоденусь только. Подождешь меня?

— Поторопись тогда. Не хочу из-за тебя не выспаться, — и рыжая потупила взор.

Беседовать она явно не желала. Полин была знакома эта сторона подруги: когда она была разгневана или обижена, то не пряталась за маской смешливости и демонстрировала отчуждение до тех пор, пока вину перед ней не загладят. Но сейчас казалось, что Фифи не просто выстроила стену. Она будто выковала ее из льда, к которому только руку поднеси — обдаст обжигающим холодом с головы до ног.

Полин устала гадать, что произошло между ними, потому пока снимала со станка предварительно брошенное на него серое платье, решила задать вопрос в лоб:

— Фифи, скажи, я в чем-то виновата перед тобой?

— С чего ты взяла? — ответила вопросом на вопрос Фифи, подняв глаза от своих ног и направив взор куда-то в потолок — Полин это увидела в зеркале, спешно надевая через голову платье. Как назло, она умудрилась в нем застрять. И теперь торопливо пыталась освободить скомкавшийся в районе груди подъюбник. Удавалось с трудом. Подруга на помощь не пришла.

— Ну, ты разговариваешь со мной холодно. Становишься в другом конце зала на занятиях. Убегаешь куда-то в свободные часы. И вот сейчас тоже... будто чужая совсем, — принялась перечислять Полин, наконец-то справившись с предметом гардероба. После чего оправила подол, сдула со лба выбившуюся из пучка прядь и посмотрела на Фифи. Отражение рыжей снова делало вид, что внимательно изучает свою обувь. На вопрос девушка ответила с некоторой задержкой:

— Ты виновата не передо мной. А перед всеми девчонками. Знала бы, что ты такая подлая, никогда бы с тобой не дружила! — и в этот самый момент Фифи посмотрела прямо в глаза зеркальному двойнику Полин. Та настолько опешила, что на секунду застыла с поднятыми к волосам руками, так и не вытащив шпильку из пучка. Потом она обернулась.

— Подлая? — эхом отозвалась Полин, и ее собственный голос показался ей жалким. — Фифи, о чем ты? Что я сделала?

Рыжая наконец отлипла от дверного косяка и отмерила несколько шагов вглубь зала. Невысокие каблукы ее пошарпанных туфель стучали по паркету, как молоток в руках судьи.

— «Что я сделала?», — передразнила она, и в ее голосе звякнуло неприкрытое презрение. — Ты получила место в Королевском Балете, охмурив маркиза. Чего рот раскрыла? Пухлианочка твоя любимая проболталась. Спрашивает меня однажды: «Как подружка после случившегося?» Я такая: «Чего случившегося?» А она: «Ну, после того самого, на лестнице с герцогским сыном». Я стояла и ушам своим не верила. А потом до толстухи дошло, что моя «прекрасная» подруга ничего мне не рассказала. Так она рот захлопнула и сделала вид, что занята сильно. Перебиранием наволочек...

— Ты... ты все не так поняла, — выдавила Полин, чувствуя, как внутри все клоочет от несправедливости. — Фифи, он обидел меня. Он...

— Конечно, обидел! — Фифи звонко расхохоталась, и этот смех, лишенный всякого веселья, ударил по ушам сильнее любого крика. — Так обидел, что после этого именно тебя, мадемузель «Балет — это не мое», выбирают в лучшую труппу страны! А ты потом еще кричала на завтраке, что он урод, чтобы никто ничего не заподозрил! Ну актриса! Я даже поверила!.. И платочек твой тот розовый... — Она ткнула пальцем в шею Полин. — То-то не снимала его несколько дней. Что, жарко целовал?

— Все было совершенно не так! — Полин сорвала пучок, и шпильки дождем рассыпались по полу. Волосы тяжелой волной упали на плечи, но это не принесло облегчения. — Фифи, ты же меня знаешь... Как ты можешь нести эту чушь?

— Я знала ту Полин, которая вместе со мной плакала над стертými в кровь пальцами. А ту, что обжимается с маркизами ради карьеры и лишает других шанса — нет, не знаю. И знать не хочу.

Фифи резко развернулась. Ее рыжая копна полыхнула в свете газовых рожков, как настоящее пламя.

— Скажи спасибо, что я никому не рассказала о твоей выходке в честь прежней дружбы, — нанесла новый удар Фийон, даже не оглядываясь.

— Розетта, по-твоему, тоже обжималась с маркизом? — едко бросила ей вслед Полин.

— Ну, она хотя бы все время отбора была там с нами в коридоре. — ответила Фифи уже от двери. — В отличие от тебя.

Полин осталась стоять посреди зала, окруженная рассыпавшимися шпильками. В зеркале ее копия выглядела точно так же: сломленной, растрепанной и бесконечно виноватой в подлом поступке, которого не совершала...

Глава 8

Лиана собиралась как следует отчитать Полин, которая разбередила ей нервы на ночь глядя своим отсутствием во время отбоя. Но когда она увидела, что рыжая посланница возвращается в одиночестве, заготовленные нотации мигом позабылись, а сердце зашло как загнанное. Женщина встала со своего места и двинулась навстречу Фифи, близоруко щурясь. Она пыталась угадать выражение лица воспитанницы: уж не тревожное ли? И каково же было удивление пышной мадам, когда Фифи наконец приблизилась и в глазах ее сверкнуло торжество.

— Ой, без драмы, Лиана. Идет твоя Полин следом. Не запылилась, — не самым вежливым тоном сообщила рыжая девчонка и направилась к общей спальне, оставляя позади запыхавшуюся воспитательницу.

— А где была-то? — растерянно бросила ей вслед та.

— Репетировала. «Этуаль» наша, — недобро улыбнулась Фифи, обернувшись. А потом добавила: — Но как там говорится? Не наевшись, не налижешься!.. Ой, не то. Что это со мной? Не потопаешь, не полопаешь. Вот!

И Фифи захихикала. Не дождавшись ответного смешка от воспитательницы, девушка открыла дверь спальни и растворилась в ее темноте.

Лиана озадаченно уставилась на прописанную кобальтовой краской цифру «шесть» — номер комнаты. «Разругались, кажись, — с грустью подумала она. — Ишь, озлобленная какая! А я-то думала, не разлей вода девчонки. А оно вон что! Зависть-змея. Прокралась-таки в дружбу...» Из мыслей Лиану выдернул звук спешных шагов по дощатому полу. Бежала Полин.

— Прости, Лиана, — девушка затормозила так резко, что чуть не впечаталась в воспитательницу. — Я совсем потерялась во времени.

Женщина отметила и бледное лицо маленькой балерины, и дрожащие руки, и бесцветный усталый голос. Сердце Лианы по-матерински сжалось от нежности к этой девочке, с которой судьба явно взыщет немало за свой щедрый подарок в виде везения на отборе.

— Иди уже, звезда, — примирительно махнула рукой воспитательница, и Полин тут же захотелось прижаться к ее теплему боку и разрыдаться. — Ну, чего стоишь? Бегом в постель — околела, небось.

— А можно я с тобой чуть-чуть посижу? — робко спросила девушка.

— Чего удумала! А завтра будешь валиться от недосыпа у станка этого вашего? А потом Лиана будет виновата, если мадам затрецин надает! — женщина сама понимала, что возмущается просто ради приличия и что позволит этой девчонке себя переубедить просто парочкой «пожалуйста».

— Да всем уже плевать на меня! Мне же скоро уезжать в театр... Будь он проклят, — последние слова вырвались у Полин сами собой. Девушка взглянула на воспитательницу — та уже открыла было рот, чтобы возмутиться сказанным — и балерина решила это пресечь: — Да, Лиана, я скоро уеду. И не знаю, когда мы еще с тобой свидимся. И свидимся ли вообще... Позволь мне немного побыть здесь, не гони. Пожалуйста.

— Ладно, уговорила, — сдалась женщина и с привычным кряхтением уселась в кресло за столом, с которого взяла вязание. — Что, Фифи не подружка тебе больше? Э-э-эх, а я-то думала, вы до старости будете как сестры.

— Она думает, что я получила место в театре, потому что соблазнила того уroda... — ответила Полин, и, обратив внимание на неподдельное изумление в глазах собеседницы, пояснила: — Фифи узнала, что у меня с ним была какая-то ситуация на лестнице, а какая именно — додумала сама... А самое забавное, что меня утвердил сотрудник театра, де Бомоны чуть ли не кривились от моего танца.

— Ох, Полинетт... — оторвалась от своей ажурной салфетки воспитательница и взглянула на девушку. — А ведь это я, дура старая, проболталась девчонке. Думаю, дай-ка спрошу, что да как, подружки ведь... Вот делов натворила, а!

— Не кори себя, Лиана. Я знаю, что ты не со зла, — поспешила успокоить добродушную женщину Полин, а затем грустно усмехнулась: — Зато я теперь в курсе, кем меня считает Фийон...

— Не бери близко к сердцу, девочка моя. Наверное, по себе судит наша Фифи, — и Лиана многозначительно посмотрела в глаза Полин.

— Что ты имеешь в виду? — не замедлила спросить та.

— Когда герцоги эти окаянные уезжали, а дело было ранехонько утром — вы еще спали, я думаю, надо еще раз поглядеть на светлейших особ. Заржали лошади — подали экипаж, и я побежала к окну между лестницами. Не успела. Закрывались уже в карете господ. Но что меня удивило, — и воспитательница придвинулась поближе и продолжила заговорщицким шепотом: — так это то, что я увидела знакомую рыжую макушку во дворе недалеко от кареты!

— Фифи? — изумилась Полин. — Но что она там делала?

— А вот не знаю, — снова вернулась к вязанию Лиана. — Когда она поднялась, я ей, мол, ты что, вообще с ума сошла? Ты откуда возвращаешься? А она пищит: «В уборную ходила, и стало дурно — вышла подышать воздухом!» А сама — в платье! Где это видано — платье надевать среди ночи, чтобы посетить уборную? А она стоит глазами хлопает: «Холодно, я так давно сплю!» Но вот что интересно — я не знаю, когда она ушла из спальни! Прощмыгнула, наверное, когда я дремала. Но к отъезду герцога я не спала уже не меньше часа...

— Может, она тоже хотела просто посмотреть? Поближе? — несмело высказала догадку Полин: почему-то ей вообще не хотелось верить в то, что у подруги могли быть некие дурные мотивы.

— И я так поначалу подумала, — шумно вздохнула Лиана. — Что это ваши девчачьи шалости. И всему виной — любопытство! То-то, когда приезжали Бомоны эти, так липли вы к окну! Я махнула рукой на рыжую плутовку, решила: «Главное, что Бекю не стала собирать делегацию, чтобы проводить гостей. Увидь она — мало бы не показалось ни Фийон, ни мне». Наверное, герцоги сами потребовали, чтоб им в такую рань не досаждали церемониями.

— Наверное... — согласилась Полин и умолкла, погрузившись в мысли о подруге и ее тайнах.

Лиана тоже не стала продолжать разговор, а принялась сосредоточенно вывязывать ряд за рядом. И ритмичные постукивания спиц в ее пальцах подействовали на балерину убаюкивающе: веки девушки начали тяжелеть, а пространство будто начало сгущаться и превращаться в пух...

Полин распахнула глаза: вокруг — зеркала знакомого до боли репетиционного зала, в которых отражалась она сама. А у ключиц каждого из двойников будто от ветра колыхались концы завязанного тугим узлом того самого бледно-розового шейного платка. «Странно, я же уже не ношу его», — подумала девушка. Но дальше развивать эту мысль не стала — как никогда нужно было повторить «Прощание Элизы». Балерина заняла исходную позицию и начала свой танец. И, о чудеса Мирра, паркет под ногами исчез, а вместо него возникла почерневшая от морской соли зловещая доска. Жирной линией она словно пыталась перечеркнуть полотно бурлящей синевы, запертой в зеркальных стенах помещения. Это было похоже на гигантский аквариум. «Получилось! История оживает!» — ликовала Полин и продолжала танцевать. Однако тело упорно отказывалось повторять давно выученную до автоматизма последовательность движений и вместо этого исполняло совсем другой сюжет. Девушка вдруг осознала, что делает уже которое фуэте на этой самой шаткой доске. Мир вокруг плыл, как картинка калейдоскопа. Будто чей-то невоспитанный ребенок крутил его со всей прытью в надежде сломать и досадить настоящему владельцу. И вот разряд молнии. Фуэте. Скрип доски. Фуэте. Шелест

морской пены. Фуэте. Заливыстый смех Фифи... Полин теряет равновесие и падает на четвереньки, на секунду смежив веки. «И платочек твой розовый... То-то не снимаешь его. Что, жарко целовал?» — произнесла подруга.

Балерина нехотя подняла глаза. Море исчезло. Доска — тоже. Под ногами — все тот же пошарпанный паркет. Полин встала в рост и бросила взгляд на зеркало в ожидании увидеть рыжую девчонку позади своего отражения, как это было накануне. Но от неожиданности танцовщица вздрогнула — за стеклом стоял лишь удивительной красоты молодой мужчина с жемчужно-белыми волосами и взглядом... волка? Нет, скорее, загнанного волчонка. И его бледное лицо вызывало одновременно и страх, и сочувствие.

«Спаси...» — вдруг попросил он еле слышно и протянул к Полин руки. Ей показалось, что красавец вот-вот схватит ее за шею. Как там, на лестнице. Но он прикоснулся к девичьим плечам.

— Нет! Не трогай меня! — закричала девушка что есть мочи и... проснулась.

— Открой глаза! Это всего лишь дурной сон, — Лиана уже всю трясла воспитанницу за плечи. Та быстро заморгала, чтобы вернуться в реальность.

— Уже утро? — спросила она ослабленным голосом. Очертания печального Реми де Бомона развеялись, но сердце девушки продолжало грохотать.

— Какое там! Еще спать да спать. Только иди-ка, детка, в свою постель. Не дело ребенку ночевать сидя на стуле.

— Хорошо... — Полин встряхнула головой, нехотя встала и ватными ногами побрела в общую спальню, чтобы проспать еще вечность, не меньше. Но желательно без сновидений. И желательно без Реми де Бомона в них.

В темноте комнаты номер 6 девушка проскользнула к своей койке. Тишина была колючей, как казенное одеяло. Полин скинула туфли и платье, юркнула под ткань. Справа послышался шорох — Фифи перевернулась на другой бок, демонстративно вздохнув. Жюли спала тихо, а Розетта... Розетта, та самая «счастливица», всхлипнула во сне. Полин коснулась пальцами шеи. Кожа горела там, где некогда ее сжимали ледяные пальцы Реми. «Урод», — прошептала она одними губами, пытаясь убедить себя, что взгляд загнанного волчонка — это всего лишь плод воображения. Ей нужно было его презирать. Это было единственным, что казалось сейчас правильным...

Глава 9

Полные горького разочарования и тревоги, дни Полин тянулись, словно лежалая нуга из закровов Лианы. После злополучной ссоры в репетиционном зале она с Фифи больше не разговаривала: ожидала, что рыжая остынет и придет просить прощения за несправедливое оскорбление. А заодно откроет свои тайны, как раньше.

Но этого не произошло, а душисть собственную гордость Полин была не готова. По крайней мере, пока. А что касается Жюли, то она хоть и не вступила ни с кем в конфликт, все равно предпочла дистанцироваться — позиция между двух огней ей была не по сердцу. И, будучи человеком практичным, девушка предпочла занять сторону той подруги, которая не покинет ее в ближайшем будущем. Фифи. «Я не знаю, что между вами произошло. Но не заставляй меня выбирать, Полин», — заявила как-то раз она и... все равно сделала выбор.

Но все же час пробил — день отъезда в театр приблизился вплотную. Наутро двум юным балеринам, на которых указал перст мадам удачи, надлежало сесть в школьную повозку и отправиться в ближайший город. А там пересест в дилижанс до самой столицы. В блистательный Валанж! А пока Фифи и Розетта собирали вещи под щебетание однокашниц — комната номер 6 встречала воскресный вечер. Неожиданно раздался восторженный писк Розетты. Она вывалила на свою кровать все нехитрое имущество и пыталась запихнуть в старый сундук пожелтевшие отрезки кружева.

— Полин, как думаешь, в столице носят ажурные манжеты? — Розетта сияла так ярко, что на нее было больно смотреть. — Бабушка пишет, что я теперь — гордость нашего прихода!

Фифи с силой захлопнула свой шкафчик, и звук удара дерева о дерево прозвучал как выстрел. Она не уделила внимания Розетте, лишь бросила взгляд на Полин — тяжелый и мрачный.

— Ой, чуть не забыла! — спохватилась Розетта и принялась шуршать какими-то бумагами. Нашупав маленький сверток, который иная обитальница спальни приняла бы за скомканный лист бумаги для кормления огня в очаге, балерина прижала его к груди и вздохнула с облегчением. — Фух, слава Мирру, нашла! Амулет с листком падуба. Бабушка заговорила — она у меня умеет колдовать! Хочешь взглянуть?

Полин не очень-то интересовалась такими вещами, но решила проявить вежливость и приблизилась к своей будущей попутчице. Та принялась разворачивать сверток, и это действие напоминало очистку луковицы от шелухи — девушка снимала слой серой бумаги за слоем. Наконец остался шарик размером с грецкий орех, из которого Розетта выудила ничем не примечательный кожаный мешочек на шнурке. И тут же надела его на шею.

— Он защищает от всякого дурного глаза, — пояснила она. — А у тебя есть амулет?

К счастью, отвечать Полин не пришлось. В этот момент дверь распахнулась. Лиана, потная и запыхавшаяся, вкатилась в комнату:

— Девочки... Мадам велит всем спуститься в холл. У нее для вас объявление. Письмо пришло от герцога...

Розетта подпрыгнула, хлопав в ладоши, и первая выбежала за дверь, едва не сбив воспитательницу с ног. А сердце Полин забило сильнее, хотя она и сама не понимала, что ее страшит больше — то, что поездка отменится, или то, что она действительно состоится. Из комнаты девушка вышла последней.

Мадам Бекю стояла под тусклым светом масляной лампы, сжимая плотный лист бумаги так крепко, что побелела кожа вокруг ее миндалевидных ногтей. Директриса дождалась, пока последняя ученица угомонится, и обвела глазами холл. В зрачках сиял недобрый огонек.

— Дорогие девушки, — начала она официальным тоном — сухим, как прошлогодняя солома. — Как вам всем уже известно, нашей школе выпала большая честь — принять у себя

представителей Королевского Балета и его попечителей — герцога и маркиза де Бомонов. Итогом этого визита стало избрание двух наших учениц в самую престижную труппу страны, а то и всего Мирража. Однако планы изменились...

Директриса сделала драматичную паузу. «Ну не томите же вы!» — думала про себя Полин. Предчувствие было недоброе. А мадам Бекю как будто нарочно тянула время. Убедившись, что все воспитанницы как одна затаили дыхание, женщина продолжила:

— Его Светлость герцог де Бомон прислал окончательное распоряжение относительно двух особ, которые завтра должны отправиться в столицу... Мадемуазель Шеро!

Мадам Бекю обратила свой взор на Полин — и девушку бросило в холодный пот. Раньше она не могла выдерживать взгляд директрисы, особенно когда та обзывала ее короной в хрустальной лавке. Сейчас, после смотра, балерину уже не так страшило внимание самой главной в школе, но все равно оно было липким и неприятным.

— Твоя кандидатура остается в силе, — наконец произнесла женщина, и Полин тихонько выдохнула. — Но я бы на твоём месте сильно не обольщалась. Приготовься как следует трудиться, иначе оглянуться не успеешь, как вытеснят из труппы более даровитые танцовщицы.

По залу пронеслись шепотки, но мадам Бекю резко вскинула руку.

— А вот относительно второй девушки пришло уточнение, — и директриса развернула письмо, чтобы зачитать: — Состав труппы требует иного типажа. Мадемуазель Кокто...

Женщина встряхнула головой, будто ей было крайне невыносимо озвучивать написанное герцогом. Она нашла взглядом замершую ученицу, склонила голову и произнесла приторным тоном:

— Розетта, мне очень жаль, но тебя брать передумали... Видимо, ты чересчур хороша для текущих нужд театра в Валанже.

Раздалось несколько издевательских смешков — подпевалы директрисы дали ей понять, что оценили шутку. Полин повернулась в сторону Розетты — в глазах той стояли слезы унижения. Чувство острой несправедливости полоснуло сердце ножом. «Да лучше бы меня отклонили! Розетта ведь так ждала поездки! Так радовалась!» — подумала Полин. Она перевела взгляд на директрису и чуть не дернулась от омерзения.

— Вместо Розетты Кокто, — продолжила Бекю, — завтра отправится в Королевский Балет...

И женщина снова сделала торжественную паузу. Злорадная улыбка играла на ее губах.

— Мадемуазель... — директриса снова притихла на секунду, радуясь тому, что девицы уже на грани от напряжения. — Мадемуазель Фийон!

Полин не поверила своим ушам. Фифи? Память подкинула недавний рассказ Лианы о ночном путешествии подруги. Это как-то связано с сегодняшней новостью? Она взглянула на рыжую — та, казалось, удивлена не меньше, чем все. Ну, или умело изображала изумление.

— Что? — вот и все, что смогла выдать Фийон. Она так побледнела, что веснушки на ее щеках загорелись еще ярче.

— Прими мои поздравления, Фифи! — произнесла мадам Бекю и спрятала письмо в карман.

— Юные особы, на этом все. Какие есть вопросы?

Полин огляделась по сторонам — ученицы притихли. Жюли выглядела слегка озадаченной, Фифи стояла с глупым выражением лица, будто не осознавала своего счастья, а вот Розетта... Смотреть на нее было тяжело. Казалось, несчастная девочка сейчас дождетя ухода Бекю и побежит на крышу, чтобы сигануть вниз. Полин затрясло от несправедливости. Сердце понеслось галопом, и создало впечатление, что оно не уймется, если хозяйка промолчит.

— Есть вопрос! — раздалось в тишине холла.

— Да, Шеро? — директриса уставилась на Полин так, как будто увидела ее впервые в жизни. Обычно Шеро предпочитала быть незаметной.

— Скажите, а обязательно было делать это так? — голос юной балерины звучал твердо.

— Прости, что? — подняла бровь директриса.

— Почему вы не сообщили эту новость Фийон и Кокто лично? Зачем вам понадобились зрители? — Полин обвела рукой холл, и все уставились на нее как на умалишенную. Мадам Бекю даже растерялась от такой дерзости.

— Ты забываешься, девчонка, — прошипела сквозь зубы она.

— Вы сказали с издевкой, что Розетта слишком хороша для Валанжа. К чему эти прилюдные унижения? — не унималась Полин. Она сама пребывала в шоке от своей смелости и не понимала, что ей развязало язык: скорый отъезд из «царства» мадам Бекю или же это жгучее чувство в груди, которое появилось, как только Полин представила беднягу Кокто на крыше.

— Потому что Розетта и правда слишком много о себе возомнила, если считает себя достойной Королевского Балета! — почему-то начала оправдываться директриса.

В этот самый момент на ум Полин так вовремя пришли недавние слова Лианы: «Просто куколка из музыкальной шкатулки...» И ученица, мысленно прославляя взявшуюся ниоткуда находчивость, отгаторила:

— Ну, она хотя бы достойнее, чем вы! Насколько мне известно, вам там трижды говорили «нет». А вот Розетте хоть и отказали в итоге, но изначально ее посчитали подходящей для этой вашей «самой престижной труппы страны, а то и всего Мирража».

Сказанное прозвучало как раскат грома на полях во время сбора лаванды. Присутствующие потупили взоры от неловкости — узнать такую тайну о директрисе было сродни изучению ее нижнего белья. Даже Розетта позабыла о своих страданиях и стыдливо прикусила губу.

Мадам Бекю несколько раз открыла и закрыла рот, будто выброшенная волной на берег реки рыба, а потом стремительно подошла к Полин, стуча каблуками, и отвесила ей оглушительную пощечину. Звук удара отразился от сводов холла. Голова ученицы дернулась вбок. Но она подавила в себе порыв схватиться рукой за горящую щеку, а повернулась к директрисе и посмотрела ей прямо в глаза:

— Я буду носить это с честью, мадам!

— Вон! Пошла вон! Все пошли вон! — резко закричала мадам Бекю. Воспитанницы побежали врассыпную к лестницам, гонимые возбуждением и страхом. Кроме Полин. Та еще секунду-другую смотрела на раскрасневшуюся от гнева женщину, а потом игриво сделала ей реверанс и отправилась вслед за одноклассницами.

Глава 10

Когда дилижанс миновал заставу и колеса сменили вязкий хлюпающий звук проселков на торжественный рокот столичной брусчатки, Полин поняла: назад дороги нет. Валанж встретил ее лесом закопченных труб и таким грохотом, что закладывало уши.

Несмотря на чудовищную усталость, девушка с живым любопытством глядела в окно в надежде увидеть те самые эффектные городские пейзажи, которые некогда с упоением рассматривала на почтовых открытках. Вдруг она поймала себя на мысли, что крепко сжимает кожаный мешочек на груди — ей его всучила Розетта ранним утром перед отъездом.

— Нет-нет! Я не могу это взять! Тебе же смастерила бабушка амулет от дурного ока! А тут Бекю как раз со своими глазюками, — отшучивалась тогда Полин, растроганная искренним порывом соседки, с которой никогда тесно не общалась.

— Но я же от всего сердца! Ничего ценнее у меня нет, а мне так хочется отблагодарить тебя, — настаивала Розетта в прохладном сумраке умывальни, куда пришла следом за Полин. — К тому же...

Кокто с опаской посмотрела на дверь и наклонилась к уху собеседницы:

— Там, в холле после слов мадам Бекю мне хотелось пойти к реке и утопиться. Думала, я теперь — всем посмешищам посмешище. Лучше уж умереть.

Полин в ужасе прикрыла рот рукой. Ничего себе, насколько она была права относительно планов этой неуклюжей, но такой трогательной девушки! А Розетта продолжила:

— Но когда ты сказала, что я даже лучше Бекю в балете, мне стало так... весело!.. Да, весело! Я еле сдержалась, чтобы не засмеяться! Ты же видела ее лицо, видела? Никто ее на место так не ставил!

И, будто в доказательство своих слов, Розетта заготовала. Полин улыбнулась в ответ и собралась было сказать, что никакого подвига она не совершила, но Кокто сделала жест рукой, мол, я еще не закончила, и поведала:

— Но это не самое главное. Ночью меня осенило: а ведь амулет бабушкин меня уже спас! Не стоило мне ехать в театр — ждало меня там зло. Волшебный листок падуба сделал свое дело и теперь должен послужить другому хозяину! Тебе! Бери, не бойся! Он отведет и от тебя беду.

Полин не особо доверяла кустарной магии деревенских старух, но против таких аргументов Розетты вкупе с ее искренними оленьими глазами устоять не смогла. И со словами «Что ж, если тебе он больше не пригодится, приму с благодарностью» покорно склонила голову и позволила соседке надеть амулет на себя.

В этот момент в умывальню пришаркала сонная Фифи со старым полотенцем, застиранным до состояния наждачной бумаги. Увидев Кокто подле Полин, рыжая вздрогнула и протянула:

— О, Розетта... Я не знала... Мне так неловко перед тобой! Аж провалиться хочется!

— Да ладно тебе, Фийон, это к лучшему! Покажи им всем там! — и списанная со счетов герцогом де Бомоном танцовщица сделала победный жест кулаком, а потом вдруг смачно зевнула. Переход получился забавным.

— Ладно, я пойду досплю! Счастливо, девочки! — попрощалась она, старательно делая вид, что не замечает, как у однокашниц увлажнились глаза.

Стоило Розетте скрыться за дверью, как Фифи протянула мизинец бывшей подруге с робкой улыбкой:

— Мир?

— Нет! — неожиданно отрезала Полин. — Ты знаешь, что Розетта чуть не покончила с собой?

— Что? — округлила глаза рыжая.

— Что слышала. И если твоя внезапная удача как-то связана с твоим же ночным визитом к карете герцога, то уход Розетты из жизни был бы на твоей совести!

— Откуда?.. Я... Я не... — залепетала Фифи, но Полин уже отвернулась и начала собирать свои умывальные принадлежности.

— Ах да! — опомнилась она уже на пороге. — Скажи спасибо, что я никому не рассказала о твоей выходке!

И закрывая за собой дверь, Полин осознала, что не испытывает облегчения от реванша. Были лишь горечь от разочарования, чувство вины и бездонное одиночество...

Дилижанс остановился посреди огромного мощеного двора, зажатого между серыми зданиями.

— Конечная! — закричал что есть мочи извозчик.

Волна пассажиров подхватила растерянную Полин и вынесла ее наружу. Оказавшись на земле, девушка едва удержала равновесие: ноги казались чужими. Рядом шлепнулось с глухим звуком нечто громоздкое, и балерина схватилась за сердце. Это распорядитель сбросил с крыши ее багаж, едва не разбив сундук.

— Нам нужен маршрут до Королевского! — раздался над ухом знакомый голос. Впервые за все время пути Фифи заговорила с Полин. В дилижансе та села отдельно и очень быстро нашла себе компанию в виде молодой торговки, с которой без усталости болтала о всяких пустяках, то и дело взрываясь смехом. Даже во время остановок на ночлег рыжая держалась подле новой знакомой, абсолютно игнорируя бывшую подругу. Но, видимо, торговка уже распрощалась с веселой попутчицей и отправилась своей дорогой.

Полин кивнула. Не время воротить нос — сейчас они одни друг у друга в чужом городе. И, протискиваясь через непривычную толчею, девушки направились искать нужный им городской омнибус.

Им оказался огромный двухэтажный монстр, запряженный четверкой тяжеловозов. Полин и Фифи оказались зажаты на протертой скамье внутри салона. Теперь их соседями были не сонные провинциальные лавочники, а пахнущие лавандой модистки с яркими коробками, деловитые мсье в блестящих цилиндрах, оставляющие после себя тяжелый табачный шлейф, и мальчишки, которые висели на подножках с пачками еще теплых газет и скандировали:

— Король ужесточает контроль над ростовщиками! Узюрье в панике!

— Жестокое убийство на Рю де Коломб! Зверь снова вышел на охоту!

— Маркиз де Бомон устроил дебош в кабаре! Герцог краснеет за сына!

Услышав знакомую фамилию, Полин зарделась и потупила взор. Она отчаянно делала вид, что нисколько не интересуется новостью о ее обладателе. Почему-то в представлениях девушки проявить любопытство к де Бомону означало признать перед Фифи постыдное прошлое с ним. А та, в свою очередь, напрягла слух. Но мальчишка-газетчик снова принялся кричать про короля. А вот одна из стоящих рядом модисток, к немому ужасу Полин, вдруг заговорила:

— Этот Бомон... Слышала, он там такое учинил, что от кабаре одно слово осталось. До сих пор труху и осколки выметают! А все потому, что слабоискрящейся певички, к которой он наведывается, не оказалось на месте!

Полин еще гуще покраснела, а Фифи тут же подалась вперед с ехидной улыбочкой:

— А что, там такая большая любовь?

— Скажешь тоже! Для таких, как Бомон, любовь возможна только к девицам своего сословия с приданным повнушительнее. А певички да плясуньи — это так... — махнула рукой попутчица. — Реми видели то с одной, то с другой...

Полин невольно коснулась пальцами шеи. Загнанный волчонок из ее сна оказался просто пьяным дебоширом, меняющим девушек как перчатки. Но почему тогда внутри все сжималось?

— А вы куда путь держите? — модистка безошибочно определила приезжих по поношенным платьям и старомодным сундукам.

— Мы — танцовщицы Королевского Балета! — отрапортовала Фифи, вздернув подбородок. — Нас вот как раз герцог де Бомон отобрал!

Женщина в омнибусе замолчала. Она многозначительно переглянулась со своей попутчицей.

— Вот как, значит... — пробормотала модистка, отстраняясь. — Ну, удачи вам, котята. Она вам там понадобится. Говорят, в этом театре пол довольно скользкий, ха-ха! А вот, кстати, и ваша остановочка!

— Королевский Балет! — проорал следом кондуктор, и транспорт замер с таким скрежетом, что хотелось зажать ладонями уши. Полин и Фифи начали протискиваться к выходу, игнорируя возмущения пожилой дамы, от которой неприятно пахло луком. Та бурно выражала недовольство, что «безмозглые девчонки» до последнего отсиживались на лавке, а теперь задевают «нормальных людей».

Оказавшись на улице, девушки подняли головы и буквально позабыли, как дышать. Перед ними возвышался Королевский Балет — исполин из серого камня и золота, который, казалось, был построен не руками человека, а вырос из самой земли как памятник искусству. Его колонны напоминали многовековые дубы — чтобы обхватить каждую из них, требовалось человека четыре, не меньше. Огромный бликующий купол, увенчанный фигурой крылатой Музы, создавал удивительный контраст со свинцовым небом. По всему фасаду в глубоких нишах застыли мраморные изваяния покровителей лицедейства. В скудном свете пасмурного дня их пустые глазницы казались живыми. Каменные девы в легких одеяниях и демоны в виде мускулистых мужчин с рогами снисходительно разглядывали двух провинциалок с потертыми сундуками. Словно они и принимали решение, достоин ли городской путник того, чтобы ступить на порог.

— Ну, тут нас точно не ждут, — молвила Фифи, вздохнув. — Пойдем искать, куда заходят работники.

Полин молча кивнула: даже самая юная балерина знала, что парадный вход в театр предназначен только для зрителя. Девушка сделала шаг за бывшей подругой, бросив взгляд на лестницу, которая каменным водопадом спускалась от двустворчатых гигантских дверей.

Ей почудилось, что здание втянуло в себя воздух. Как огромный хищник, который захлопнет пасть, едва добыча ступит за порог. Хорошо, что им не сюда...

Глава 11

— Фу, вот тебе и столичный пансион! — буркнула Фифи, брезгливо смахивая рукавом дохлого таракана с путеводителя по Валанжу. Этой книжицей она только что насекомое и прихлопнула.

— Когда попадешь в первую линию кордебалета, будешь жить в апартаментах, — ответила Полин, устало плюхаясь на койку, которую только что застелила выданными кастильяншей простынью и покрывалом. Вполне себе чистыми.

— Только не говори, что ты в восторге от этой конуры, — не унималась рыжая.

Полин промолчала. В восторге она не была. И точно так же, как Фифи, предвкушала нечто более уютное, когда комендант сообщил, что комнаты в пансионе при Королевском Балете рассчитаны на двух человек. В школе мадам Бекю они ютились по шесть-восемь девушек в одной спальне, а тут — почти уединение! Также статус самого роскошного театра Мирража формировал завышенные ожидания от служебного жилья. Но увы! Новый угол уступал даже комнате номер 6. Здесь гуляли сквозняки, пахло сыростью, а обои отвратительного коричневого цвета отклеивались там и сям. Казалось, их налепили на эти стены несколько десятилетий назад.

Живот жалобно заурчал. Полин с грустной усмешкой вспомнила, как Фифи спросила коменданта, когда их покормят. Пожилой мужчина даже не понял вопроса, а когда до него дошло, сообщил, что нужно заранее записываться в рефекторий, чтобы рассчитывать на порцию. «Что же нам — голубей сегодня ловить?» — ныла потом Фийон, таща свой багаж вверх по лестнице.

Полин встала с кровати и принялась рыться в своем сундуке — должны были оставаться еще галеты, которые накануне заботливо впихнула в ее руки хныкающая Лиана.

— Вот, угощайся, — неловко протянула девушка сверток соседке по комнате.

Та посмотрела на него с тем же выражением лица, с каким только что глядела на таракана.

— Нет, спасибо! Я брезгую есть стряпню Пухлианы, — надменно произнесла она, глядя Полин прямо в глаза. Девушка поняла: перемирия действительно не случилось, хотя ей казалось, что с прибытием в столицу Фифи пыталась наладить отношения. Но нет. Та просто носила маску дружелюбия.

Вдруг в дверь постучали. Бывшие подруги растерянно переглянулись и выдали хором: «Войдите!» На пороге нарисовалась светловолосая девушка лет на пять их старше. То изящество, с которым она приоткрыла дверь, выдавало балерину.

— Фийон и Шеро? — спросила она таким тоном, будто собиралась их отчитать. Убедившись, что дверь не ошиблась, мадемуазель продолжила: — Меня зовут Инес. Через час сбор новичков у театра. Мне поручили показать вам все. И, если вы будете себя хорошо вести, сможете посмотреть репетицию. Не опаздывать!

Инес не стала дожидаться ответа, грациозно развернулась на каблуках и хлопнула дверью. Полин посмотрела на галеты в руках. Аппетит испарился, уступая место предвкушению. Фифи же бросилась к мутному зеркалу, которое было покрыто черными оспинами.

— Хоть увидим, за что мы тут страдаем среди тараканов! — пропела рыжая и вновь обратилась к Полин, будто они были все теми же закадычными подругами: — Ты же рада?

— Угу, — глухо отозвалась Полин, запихивая галеты обратно в неразобранный сундук. — Как никогда прежде.

Ей нужно было уйти. Вырваться из этой тесной каморки, где фальшь Фифи душила не меньше, чем запах сырости. Проигнорировав вопросительный взгляд соседки, Полин накинула шаль и вышла. До встречи с Инес оставалось время, и девушка решила побродить по окрестностям и подышать свежим воздухом.

Вскоре ноги сами привели ее к служебному входу в театр — сегодня они с Фифи здесь уже были, когда требовалось отметить у дежурной, отдать ей пакет бумаг от мадам Бекю (их в утро отъезда принесла к повозке ее секретарша) и получить пропуска. Правда, провинциалок долго допрашивала охрана снаружи — не по нраву двум суровым мужчинам оказались их громоздкие сундуки. Но тщательно изучив оные, охранники впустили внутрь покрасневших от неловкости девиц, чье белье было бесцеремонно скомпрометировано досмотром.

А теперь дежурная, худощавая мадам Дрю с острыми как тесак скулами и участливой улыбкой, дала Полин добро подождать экскурсии в помещении. «Только далеко не уходи, не то заблудишься», — попросила она и развернула газету, напроочь забыв о присутствии провинциальной балерины.

Изучая висящие на стенах картины, Полин и сама не заметила, как оказалась далеко от поста работницы. Коридор был высоким и гулким, а рамы портретов — потускневшими от времени. С полотен на Полин смотрели великие балерины прошлых лет. Она знала имя каждой из них: об Искрах этих танцовщиц слагали легенды. Осознание того, что эти женщины ходили некогда по этому же коридору, заставляло сердце бывшей ученицы школы мадам Бекю биться чаще.

Она свернула за угол, собираясь продолжить изучение картин, но, кажется, новая ветка коридора привела ее к гримерным. Девушка неспешно прошла вдоль ряда дверей, на каждой из которых висела табличка с именами. Где-то их было шесть, где-то — четыре, а где-то — два. Полин подумала, что дальше должны быть индивидуальные гримерки, но убедиться в этом желания не было. Она собралась было повернуть обратно, как вдруг дверь в конце коридора заскрипела. Но вышедший не спешил показаться. Он продолжал разговаривать с кем-то внутри комнаты.

— Буду с нетерпением ждать спектакля! — донесся до Полин мужской голос. Она точно его уже слыхала прежде.

— О, маркиз, знайте: сегодня я танцую только для вас! — ответил голос женский. Бархатистость звучания навела на мысль о невероятной манкости обладательницы.

«Что, маркиз? Да это же проклятый Реми де Бомон! Это его голос! Бежать!» — пронеслось в голове у Полин, и девушка быстрым шагом направилась прочь. Но скрыться не успела.

— О, кого я вижу! Та самая деревенщина! Стой! — прилетело в спину. Полин не оборачиваясь затормозила и тут же начала себя за это корить.

«Зачем ты встала, дура? Он тебе не командир! Почему послушалась?» — обращалась она к себе мысленно в ожидании, пока Реми ее настигнет. «Что? Я еще жду, когда он подойдет и, может быть, снова начнет меня душить?» — вздрогнула девушка и резко обернулась.

— Что вам от меня надо? — с вызовом бросила она, глядя снизу вверх на остановившегося в паре шагов де Бомона. На нем был безупречный черный камзол с серебряной вышивкой у горла, а жемчужные волосы в полумраке коридора казались почти седыми. Из-за этого его молодое лицо выглядело пугающе мудрым и... измученным.

— Что мне надо? — усмехнулся он. — Это что тебе здесь надо?

— Я жду экскурсию... — начала вдруг оправдываться девушка. — Мадам Дрю разрешила мне.

— Мадам Дрю — добрая душа. Она много кого жалеет. Бездомных котят. Беспризорных ребят... Бездарных девиц, которым здесь не место, — перечислил Реми вкрадчивым голосом, будто по секрету. При этом он неотрывно смотрел Полин в глаза, а она, словно загипнотизированный гадушкой лягушонок, впитывала каждое его движение. Вдруг он сделал шаг еще ближе, и балерина резко отпрянула.

— Не дергайся, сегодня у меня нет желания учить тебя вежливости, — «успокоил» молодой мужчина и лениво потянулся к голове танцовщицы.

Она озадаченно захлопала ресницами. Что он делает? Неужели хочет провести ладонью по ее волосам? Похоже, что да... По коже пробежали мурашки от невесомого прикосновения. В нос ударил запах горького миндаля и табачного дыма.

Реми снова криво усмехнулся и убрал руку. Преподнес к лицу Полин, продолжая смотреть в глаза. Девушка обратила внимание на красные костяшки. Должно быть, это связано с дебошем, о котором кричал газетчик... Но вот ее взгляд сфокусировался на обломке тоненькой соломинки в мужских пальцах. О Мирр, нет! Должно быть, сухая травинка прицепилась на почтовом дворе во время ночлега. А Фифи, гадость эдакая, даже не сказала о мусоре в ее косах! Жар прильнул к щекам: маркизу даже не надо было снова называть ее деревенщиной — вот же, блин, подтверждение!

— Что ж... — снова заговорил он после красноречивого взгляда. — В ближайшее время сеновалов не будет. Какой-нибудь нувориш погрееет тебя в своей постели.

До Полин не сразу дошел смысл сказанного. И Реми это заметил. Он выдержал паузу, пока во взгляде девушки загорелось понимание, и добавил:

— Они любят таких, как ты. На все согласных, лишь бы не возвращаться в свое захолустье.

— Что... что вы себе позволяете? — Полин нервно сглотнула. Почему он с ней так? Ответа не последовало. Реми перестал ухмыляться. На мгновение в его взгляде промелькнуло то же самое выражение, что и в день смотра, когда он сломал перо — странная смесь чего-то, смахивающего на тревогу, и интереса.

— Возвращайся к дежурной, — приказал он ледяным тоном. — Меня тошнит от твоего вида.

Полин хотела было что-нибудь ответить в том же духе, но почувствовала, что слезы обиды подступают к глазам. Поэтому решила бежать с поля боя. Она резко развернулась и зашагала прочь от заносчивого аристократа. Руки дрожали...

Девушка не понимала, как ввязалась в эту войну, но точно знала — она не должна позволить ему себя сломать.

Глава 12

Экскурсия Инес едва ли напоминала развлекательное мероприятие, скорее, военный инструктаж. Она вела новоприбывших танцовщиц (Полин насчитала еще шесть незнакомых девушек) через лабиринты коридоров, которые казались внутренностями величественного зверя под названием Королевский Балет. Организм этого чудовища работал как часы.

— Здесь — костюмерные. Здесь — делают декорации... Эй, рыжая, не лезь, не то испачкаешься... Здесь — ваш репетиционный зал. Занимайте потом место у левой стены, — чекавила Инес, ведя подопечных все дальше и дальше. — А теперь закрыли все рты.

Она приоткрыла тяжелую кулису. «Делегация» из провинциальных девиц замерла. Перед ними открывался ослепительный мир сцены, которая впечатляла своими масштабами. А в центре с удивительной синхронностью двигались артистки кордебалета. Полин узнала танец: они исполняли «Вечер наложниц» из балета на восточную тематику «Лале и Левент». Это была история об отважном царе Левенте, в чей гарем попала прекрасная Лале — дочь его врага. Государь жаждал мести, однако пленница сделала все, чтобы влюбить его в себя. И в один момент, когда Левент этого совершенно не ожидал, гордячка нанесла ему удар в спину...

— Фу, чем это пахнет? У меня даже голова разболелась! — шепнула одна из новеньких.

— О Мирр, за что?! — Инес закатила глаза. Но все же снизошла до ответа: — Это запахи гарема, бестолочь. Мускус, амбра, жасмин, гвоздика... Иллюзия, создаваемая объединением Искр танцовщиц и музыкантов из оркестра. Вы, слабоискрыщиеся, тоже научитесь таким трюкам, работая сообща.

— Правда? — вслух изумились сразу несколько девиц.

— Тихо! — шикнула Инес. — Не то сейчас прогонят!

«Вечер наложниц» подошел к концу. Артистки на секунду замерли в изящных позах, после чего на полупальцах дружно убежали за кулису напротив.

Оркестр начал играть «Соблазнение» — тему Лале. Этим танцем героиня и покорила царя. Полин с нетерпением ждала солистку, но та все не появлялась.

— Стоп! — закричал кто-то в зрительном зале, кого девушки не видели. Музыка резко оборвалась. — Где мадемуазель Марго?

На противоположной стороне сцены люди засуетились.

— А она отошла куда-то! — писклявым голосом крикнула одна из артисток кордебалета, выглядывая из-за кулисы.

— Что значит — отошла? Финальный прогон! — возмутился мужчина. Судя по громкости звука, находился этот человек где-то в первом ряду партера. Его собеседница лишь пожала плечами и скрылась за тяжелой шторой.

Вдруг Полин почувствовала толчок сбоку.

— А ну дайте пройти! — через толпу новоприбывших протискивалась сама Марго Бонье — этуаль Королевского Балета. Девуцы учуяли шлейф дорогих духов — то был запах весеннего дождя вперемешку с легкими цветочными нотами. Аромат ощущался как глоток свежего воздуха после благовоний гарема.

— Девушки, просила же не закрывать проход! — виновато всплеснула руками Инес, хотя ничего подобного она ранее не озвучивала.

— Что за сброд вообще? — не обращая ни к кому конкретному, бросила Марго.

— А это попечитель отобрал в... — начала было Инес, но Марго уже не слушала. Походкой королевы она неспешно двинулась к центру сцены.

— Я здесь, мсье режиссер! Пардон, пудрила носик! — елейным тоном пропела этуаль.

— «Соблазнение!» Еще раз! — скомандовал мужчина, и оркестр снова заиграл.

Только этуаль начала партию, как вокруг нее сгустился алый туман. Полин моргнула, пытаясь прогнать видение, но дымка никуда не делась, а легла поверх тренировочного лакота и трико танцовщицы, превратившись в призрачный красный лиф и дерзкие шаровары с разрезами по бокам. Нижнюю часть лица Марго закрыла такого же цвета вуаль. А тонкие руки змеями обвили золотые браслеты, звенящие при каждом движении, несмотря на свое иллюзорное происхождение. «Вот это сила!» — подумала Полин и продолжила замороженно наблюдать. Ей еще никогда не доводилось видеть настолько искрящихся балерин.

Марго Бонье не просто танцевала — она ткала новую реальность. В каждом ее прогибе читалась не только податливость Лале, но и холодный расчет мстительницы. Когда артистка замирала в аттитюде, тонкие браслеты издавали краткий звон приговора Левенту. Иллюзия была настолько мощной, что Полин казалось, что пол под ногами превратился в мягкие восточные ковры с характерным узором. В воздухе ощущались мельчайшие частицы золотистого песка, а «весенний дождь» Марго смешался с розовой водой Лале... О, это нельзя было назвать просто танцем. То была чистая магия — доказательство могущества Мирра.

Полин смотрела на этуаль и вспоминала высказывание Реми о «бездарных девицах». Они с Фифи действительно были лишь канифолью на балетных туфлях этой особы.

— Кода! — потребовал режиссер.

Марго закружилась в фуэте, и воздух вокруг нее заиграл разноцветными узорами, будто девушка находилась внутри гигантского мыльного пузыря. И когда оркестр взял финальный аккорд, эта неведомая субстанция рассыпаясь лепестками заморских цветов на преклонившую перед Левентом колени Лале. И тут этуаль резко повернула голову в сторону кулис, где замерли новенькие. Ее глаза на секунду встретились с глазами Инес, и та вдруг засуетилась:

— Так, посмотрели и хватит! Пойдемте, мне еще много чего вам нужно показать! А потом еще взвешивать вас будут!

Девушки с недовольными вздохами оторвались от сцены и, как гусята за гусыней, посменили за Инес. Когда Полин оглянулась напоследок, она с удивлением обнаружила, что Марго Бонье внимательно смотрит им вслед...

Инес повела подопечных вниз по винтовой лестнице, предварительно сообщив, что театр уходит под землю еще на десять этажей, семь из которых обслуживают сцену. Выразив удивление этим фактом громкими возгласами и присвистываниями, девушки принялись обсуждать увиденное на репетиции.

— Ох, ну как она двигалась — чистый восторг! — произнес кто-то за спиной Полин.

— Да ладно там, двигалась! Как она костюм создала! А цветы-то какие, цветы!.. — откликнулась Фифи, рыжая макушка которой виднелась на пару ступеней ниже.

— Инес! Инес! — вновь раздался голос позади, и Полин даже оглянулась на его обладательницу: то звала смуглая девушка с мясистыми губами. Она слегка перегнулась через перила, высматривая старшую на нижнем витке лестницы.

— Ну что такое? — раздраженно подняла голову та, остановившись.

— Скажите, пожалуйста, а как Марго стала этуалью? — вежливо попросила подопечная.

— Нашла время и место! — рявкнула Инес. И тут же, усмехнувшись, поведала: — Как-как... Когда прежняя этуаль, Катрин Фуко, в свои сорок два года ушла на пенсию, мадемуазель Марго получила свою первую главную роль. Она так искрилась на сцене, что всем стало ясно: вот она, новая звезда!.. Еще вопросы?

— Больше нет, спасибо, — ответила спрашивавшая.

— Ерунда это все, — вдруг раздалось у уха Полин. Справа шагала белокурая девица с круглым, как солнце, лицом.

— Что? — переспросила бывшая ученица мадам Бекю, сомневаясь, что обращаются к ней.

А блондинка наклонилась к Полин и заговорщицки прошептала:

— Вот они говорят, что Марго Бонье произвела фурор своей дебютной ролью, а я слышала, что ей покровительствует маркиз де Бомон! У них там какая-то довольно долгая история...

И снова в мыслях девушки возник проклятый Реми, выходящий из индивидуальной гримерки. Там он был с Марго?

— Но ведь у этуали действительно сильная Искра, и мы все в этом только что убедились, — выразила свои сомнения Полин.

— Ой, просто поверь мне, — скорчила рожицу белокурая попутчица, — неважно, какая у тебя там Искра, без протекции достигнуть высот здесь невозможно!

— Не думаю, что кто-то из нас, слабоискрыщихся, способен занять место Марго Бонье. Да будь хоть сам король покровителем!

— Ну, этуалью никто из нас не станет, это правда. Но связь с правильным мужчиной поможет закрепиться в группе так, что никакая сволочь не посмеет дунуть в затылок! — и блондинка подмигнула.

Полин стало не по себе от этого разговора: ей хотелось верить, что балетная карьера зависит лишь от упорного труда и природных данных, а не каких-то там связей. «Честь дороже золота», — вспомнила девушка любимую фразу Лианы и решила не отвечать девице, дабы завершить этот неприятный диалог. Но та и не думала униматься:

— Вот ты как думаешь, для чего вообще нас отсматривал сам герцог по захолустным школам? Заботился о составе труппы? Ну-ну!

— Я не знаю! Меня вообще отобрал представитель Королевского Балета, а не попечитель! — поспешила отрезать Полин.

— А-а-а, — осеклась блондинка, — понятно.

И наконец отвязалась. Более того — ускорила шаг и быстро оказалась где-то рядом с Фифи. «Что ей там понятно?» — думала Полин, но ответа не находила. Наверное, в картине мира этой девицы гораздо почетнее быть выбранной герцогом или маркизом, нежели профессионалами. Ну и ладно!

— Так! — командным голосом воскликнула Инес пару мгновений спустя. — Мы пришли. Прощу держаться подле меня, здесь небезопасно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.